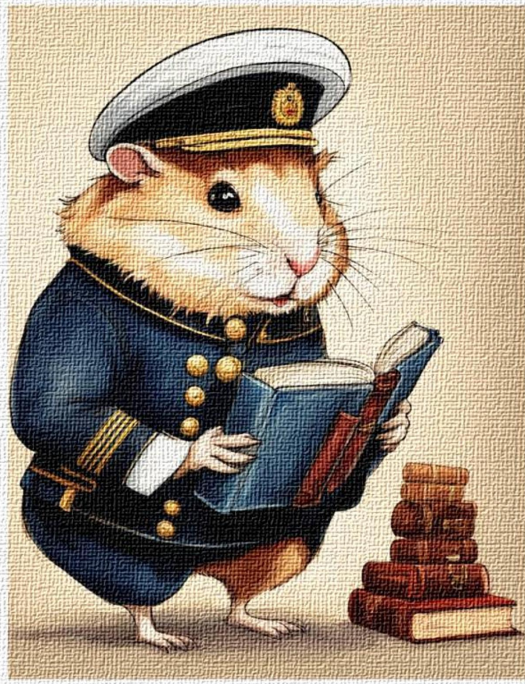
ШАГ ТРЕТИЙ



А.В. ДЕМЧЕНКО

КЛЮЧИ И КАЛИТКИ

Антон Демченко

Шаг Третий. Ключи и Калитки

https://litres.ru/74929098
SelfPub; 2026

Аннотация

Приключения хозяина самой волшебной лавки столичного Хольмграда продолжаются. Правда, теперь Ерофей приключается не один, и помимо заботы о собственном выживании и возвращении домой, ему придётся оберегать и подругу, попавшую в переплёт вместе с ним.

Содержание

ПРОЛОГ 4
ЧАСТЬ I. Долгий путь домой 10
Глава 1. Прежде чем шагать вперёд, неплохо бы осмотреться 10
Глава 2. Ходи-ходи, да смотри не упади 30
Глава 3. Утро вечера, а день ночи... 50
Глава 4. Уважаемые гости, а не надоели ли вам хозяева... 70
Глава 5. Ночь короче дня, но утро всегда... 90
Глава 6. Туризм по-стрелецки 110
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Антон Демченко
Шаг Третий.
Ключи и Калитки

ПРОЛОГ

Софийская набережная утопала в вечерних огнях, отражавшихся и множившихся в тёмных водах Волхова, над летним городом плыли слабо сияющие отражённым светом стада облаков, нагоняемые прохладным даже летом ветром с озера Ильмень, мчались над мостовыми, со свистом взрезая воздух, автомобили, изредка возмущённо сигналившие обгонявшим их лихачам на летягах, а по брусчатым тротуарам лениво прогуливались и торопились по каким-то своим «вечерним» делам жители и гости столицы, меж которыми легко петляли наездники туб, то и дело взмывавших над головами пешеходов. Взрывались хохотом молодёжи ещё не опустевшие по ночному времени летние скверы, доигрывали в парках свои финальные композиции небольшие духовые оркестры... Древний город жил своей жизнью. Плакал и веселился, думал о чём-то важном и предавался лени, прятал свои тайны и обнажал мелкие, не всегда приятные секретики. В общем, всё как всегда. Обычный вечер обычной пят-

ницы...

Почти обычный. Праздный гуляка, удосужившийся удалиться от Детинца, пройтись по Великой улице и далее до самой Псковской слободы, мог бы стать свидетелем весьма интересной и необычной даже для столичного города сцены. Сегодня, успевший полюбиться всем окрестным жителям аттракцион у маленького магазинчика со странным названием «Вечерняя Лавка», уже отключившийся ввиду позднего времени, вдруг ни с того ни с сего заработал вновь. Не дожидаясь, пока отсутствующий любопытный прохожий закинет в автомат монетку, он застрекотал многочисленными шестерёнками, засиял, словно расцвеченный новогодними гирляндами, зашумел многочисленными звонками-трещотками и... выключился так же внезапно, как включился минуту назад.

И в тот же момент за тёмными стёклами витрин закрытой лавки разлилось странное неестественное сияние, а из-под дверного проёма, занятого огромным торговым автоматом, стелясь над землёй, заструился холодный туман, буквально обмораживающий до инея брусчатку тротуара. Миг, и через стекло большой витрины, расположенной слева от «железного торговца», умудрившись не потревожить ни самого стекла, ни обрамлявшей его дубовой рамы, из лавки на улицу выскочил огромный призрачный кот. Хлестнув себя по бокам сразу двумя хвостами, животное обвело взглядом пустую улицу и, внезапно обретя плоть, с силой хлоп-

нуло мощной лапой по брусчатке, отчего струившийся по ней холодный туман, всполошённый котом, резко подался в стороны и будто моментально впитался в камни мостовой, исчерченные быстро бледнеющими искристыми разводами инея. Впрочем, долго осматриваться вокруг коту не пришлось. Стекло витрины задрожало, заволновалось, словно водная гладь, в которую угодил камень, и исчезло, оставив в своём проёме всклокоченного, полуголого молодого человека, в котором даже постоянные посетители не узнали бы сейчас хозяина «Вечерней Лавки». Заметив двухвостого, юноша ощерился.

- Стоять, бродяга! – рявкнул он. Нормальный кот от такого рявканья уже припустил бы подальше, но призрачный монстр и нормальность... Двухвостый развернулся в прыжке на месте… и, увидев хозяина лавки, осел на задние лапы. Прижав к голове украшенные небольшими кисточками уши, двухвостый кот прижал передние лапы к груди и замер эдакой гигантской статуэткой, невесть кем забытой посреди улицы.

Выглянувшая из-за плеча юноши, кутающаяся в шерстяной клетчатый плед девушка заглянула в огромные, полные сияющей влаги глаза кота и, вздохнув, нежно коснулась молодого человека рукой.

- Оставь, Ероша, – тихо произнесла она и, оглядевшись по сторонам, хихикнула. – Лучше скажи котику спасибо за то, что вернул нас домой.

- До... мой? – Ерофей обвёл недоумённым взглядом пустую улочку, провёл рукой по железному боку торгового автомата, торчащего рядом, и осторожно ступив босой ногой на холодный камень брусчатки, тут же её одёрнул. – Хм, и в самом деле, дома... Ладно, хвостатый. Прощён.

Тихо уркнув, кот опустился на все четыре лапы и проскользнул меж застывших на пороге людей. Благодарно потеревшись боком о голую ногу подруги хозяина, он сиганул под стойку и... растворился в темноте лавки. А может просто стал невидимым.

- Да будет, будет тебе рыба, – неожиданно весело улыбнувшись, юноша махнул рукой, будто отвечая кому-то, но осёкся и, бросив по короткому взгляду в оба конца улицы, одним жестом восстановил стекло витрины, после чего договорил, обращаясь куда-то в темноту пыльного помещения: – Но мог бы и подождать до утра, умник! Ведь на самом интересном месте прервал... Све-ет...

- Идём в комнату отдыха, Ера, – с тихим смешком девушка потянула молодого человека за высокую стойку прилавка. – Между прочим, здесь, если часы не врут, только-только полночь настала, а там уже...

- О! Так это значит, что у нас ещё вагон времени! – обрадовался тот и, подхватив на руки взвизгнувшую от неожиданности девушку, ринулся к двери, ведущей вглубь подсобных помещений. В комнату отдыха, где их ждал огромный удобный диван. Но... не тут-то было.

- Стоп, дорогой! – девушка хлопнула ладошкой горящего энтузиазмом Ерофея по груди, а когда тот застыл посреди длинного коридора, едва освещённого светом дворового фонаря, льющегося в единственное узкое окно, прорезанное в торцевой стене, указала пальчиком на дверь, рядом с которой они остановились. – Сначала ванна. Нормальная горячая ванна с пеной, шампунем, мылом и мочалкой. Я о ней с первого вечера нашего путешествия мечтаю, между прочим. Потом постельное бельё...

- Но... здесь нет постельного белья, – протянул тот, понимая, что запланированный и такой долгожданный совместный отдых откладывается на неопределённое время.

- Ты волшебник или где? – деланно строго нахмурилась Светлана, даже не подумав покинуть объятия своего молодого человека. – Придумаешь, пока я приобщаюсь к благам цивилизации!

- Уи, мон женераль! – вдруг просиял скиснувший было от выставленного ультиматума Ерофей, и, проследив за его взглядом, Света прыснула. Забравшийся на высокий подоконник двухвостый, вновь ставший видимым и осязаемым, почти по-человечески вздохнул. Тоже понял, кому придётся исполнять пожелание подруги хозяина. Впрочем, уже через секунду кот воспрял, видимо получив от Хабарова обещание взятки. За рыбку сей представитель потусторонних тварей может и чёрта из ада притащить... Однако, учитывая то, откуда он вернул хозяина с подругой в Хольмград... это, навер-

ное, уже даже не фигура речи.

Выбравшись из нехотя разжавшихся объятий любимого, Света замерла на миг на пороге ванной, оглянулась, одарив Ерофея соблазнительной улыбкой и, небрежно уронив на пол укрывавший её плед, скользнула за дверь, на миг блеснув белизной обнажённой кожи, в темноте коридора показавшейся хозяину лавки просто-таки сияющей. Что ж, до утра у них и в самом деле ещё много времени. О-очень много.

ЧАСТЬ I. Долгий путь домой

Глава 1. Прежде чем шагать вперёд, неплохо бы осмотреться

С письмами получилось даже проще, чем я предполагал изначально. Не пришлось вытачивать из какой-нибудь ветки стило или искать подобие бересты, чтобы было чем и на чём накорябать послание для Старицкого и госпожи Багалей. Правда, моей собственной заслуги в решении этой проблемы не было ни на грош. Как и Светы, кстати говоря. Задачу решил котяра, узнавший её из моих слишком «громких» размышлений. Двухвостый просто исчез на миг из виду, а когда появился вновь, в его зубах был зажат мой собственный ежедневник, оставшийся на время поездки дома. И ведь даже комплектную к нему гелевую ручку, вложенную в специальный кармашек на корешке записнушки, котяра по пути не посеял.

Правда, когда я уже начал прикидывать, как бы поставить десяток-другой опытов по перетаскиванию всяких нужностей из прошлого мира в этот, наш четырёхлапый почтальон сделал большие глаза и… ушёл в стелс. А чтоб я его точно не смог припахать, смылся в лес, на опушке которого мы ока-

зались, вывалившись из остромировского портала. Ленивая двухвостая задница!

Искать исчезнувшего котяру я не стал, но по леску в компании с подругой прогулялся. Так-то первую разведку я провёл, пока Света обдумывала своё письмо матери. Но далеко не заглядывал, не желая оставлять подругу в незнакомом месте без какого-либо присмотра. И плевать, что её теперь охраняет переделанный мною иллюзор-росомаха, вооружённый пресловутыми «ледяными серпами», что когда-то я демонстрировал старому Богдану. Охранник, конечно, получился неслабый, но... чёрт его знает, на что способны местные звери, и не окажется ли им иллюзор на один зубок?

Впрочем, вопреки моему беспокойству, никаких опасностей в округе мы со Светой не обнаружили, равно как и признаков разумной жизни. Обычный сосновый лес, до боли похожий на знакомые по прежним… хех… мирам боры, не менее обычный луг рядом с ним, усеянный банальными ромашками да лютиками. Разве что зелень здесь кажется чуть ярче, да у теней можно наблюдать лёгкий зеленоватый абрис, если присматриваться. Но это уже следствие странного цвета неба, полагаю.

По сосновому бору мы со Светой долго не шатались и в глубину его не совались. Солнце уже явно клонилось к закату, так что мы лишь прошлись по кромке леса, нашли звонкий ручей, весело бегущий по песчанно-каменному ложу куда-то в невысокие, поросшие густым кустарником да берез-

няком холмы на юге, у него и разбили бивак, который я, к тому же, огородил своеобразной «путанкой» из колючих кустов, выращенных по методу Остромирова. Вот когда я чуть не помянул Переплутова волхва добрым словом. Но сдержался... Полагаю, учил он меня этому приёму не просто так. Он вообще никогда ничего не делал «просто так», из тяги к прекрасному или по доброте душевной. Для всякого действа у сволочного колобка был свой резон и цель, к которой он двигался весьма затейливыми тропами. Ну так, Переплутов выкормыш же, что с него взять?

Двухвостый вернулся к нашей компании спустя час после того, как я перетащил в лагерь чёртов ящик Граца, а Света разобрала вещи из моего рюкзака. Ну а стоило ей заняться приготовлением ужина, состоявшего из пшённой каши и тушенки, как котяра оказался тут как тут. Вот не было никого, бац, и сидит мохнатый у самого костра, наблюдая, как булькает в котелке щедро сдобренное мясом варево. Вроде как он всегда здесь был и никуда не сбегал. Хитровымудренный зверь.

- Притащишь рыбу с кухни Старицких, будет тебе уха, – сообщил я двухвостому. Тот дёрнул ухом, смерил меня долгим ленивым взглядом... и, прыгнув через костёр, исчез, будто его и не было. Впрочем, уже через минуту кот вернулся. И не только с рыбой, но и с кастрюлей. Хозяйственный какой. Собственную посуду ему подавай...

Наблюдавшая за этим действом, Света не сдержала корот-

кого смешка, за что заслужила лишь презрительный взгляд двухвостого.

- Разбаловал ты его, Ероша, – покачала она головой, наблюдая, как я разделываю здоровенную форель, притащенную котярой. – Он бы её и так съел.

- Мог бы, – согласился я. Распотрошив рыбу, я бросил требуху в металлическую миску из своих походных запасов, после чего подсунул её под нос внимательно наблюдающего за моими действиями двухвостого. Кот облизнулся и, в момент схарчив подачку, включил мурчальник. Но за приготовлением рыбы следить не перестал. Я же, продолжая разделку, обратился к Свете. – Но видишь ли в чём дело, солнце моё, толку в том для него никакого не было бы. Двухвостый вовсе не нуждается в подобной пище. Он – потустороннее существо, и кормится, на самом деле, охотясь на таких же потусторонних тварей за Кромкой.

- Тогда зачем... – не поняла Света и, не договорив, кивнула на уже порубленную форель в кастрюле, которую я как раз заливал водой.

- А вот это совсем другой вопрос, – улыбнулся я. – Приготовленная руками человека, материальная пища для него деликатес. Про всяких домовых, банников, овинников с лешими слышала?

- Ну да, – неуверенно кивнула подруга.

- Во-от, здесь тот же самый случай. Домовому ставят блюдечко с молоком, кладут горбушку хлеба в подношение. Ле-

шего задабривают тем же хлебом, сыром... то есть, пищей, приготовленной руками человека. Понимаешь? Просто рыба, просто мясо... они не имеют для потусторонних созданий вкуса и в принципе не представляют какого-либо интереса. А вот если из тех же продуктов приготовить еду, вложить в неё свой труд, силы, желание… она превратится для них в деликатес, обретёт вкус и питательность. Причем желательно, чтобы блюдо было приготовлено специально для потусторонника, то есть, с явным осознанием, что эта пища предназначена тому же домовому или лешему. Такое подношение для них вдвое слаще.

- То есть, смысл не в угощении как таковом, а в... его информационной насыщенности, так? – протянула Света. Мы с котярой кивнули, отчего светлые бровки моей пассии удивлённо приподнялись. – Э-э, Ероша... он что, меня понимает?

- Как и меня, – пожал я плечами. – А почему он не должен тебя понимать? Двухвостый – существо разумное. Не так как мы с тобой... Ну-ну, не фырчи на меня, котяра! Я лишь говорю, что ты мыслишь иными категориями, нечеловеческими. Разумности твоей это не отменяет. Так что, не балуй. А то за хвост дёрну.

Двухвостый сменил гнев на милость и, снисходительно муркнув, легонько хлопнул лапой по кастрюльке. Мол, ты не отвлекайся, готовь, давай... Ну что, даю. Готовлю. А хвосты всё же подобрал, прохиндей. Ха!

- Я думала, вы понимаете друг друга за счёт какой-то сво-

ей связи, – медленно проговорила Света, уже совершенно по-другому глядя на моего напарника. – А вообще, Ерофей, откуда ты всё это знаешь?

- Что-то Бийские поведали, что-то слышал от Остромирова и Граца. А кое-чему Яговичи с подачи князя Старицкого целенаправленно обучили, когда я во всю эту потустороннюю муть вляпался, – признался я. – Да и как иначе-то? Со всей творящейся вокруг чертовщиной, знаешь ли, желание ничего не знать и крепко спать может привести к очень печальным последствиям. Да и приводит, – я вздохнул и, как бы в подтверждение своих слов, развёл руками, указывая на обстановку вокруг.

А вечер тем временем вступал в свои права. Солнце почти скрылось за окоёмом и вокруг нас уже царили зеленоватые сумерки, наводившие меня на воспоминания о далёком уже прошлом и характерной для некоторых ПНВ[1] подсветке. Впрочем, это сходство было очень отдалённым. Стоило солнцу исчезнуть с небосклона, и опустившаяся тьма вовсе перестала отличаться от привычной по прошлому миру ночи. Ну, почти. Я поднял голову вверх, но, несмотря на отсутствие облачности, не смог рассмотреть на небе ни единой звезды, хотя даже отошёл в сторону от горящего костра, чтобы его свет не застил. Вотще. Зато я сумел увидеть пару бледных отливающих уже знакомым слегка зеленоватым светом лун. Правда, здешние спутники выглядели зна-

[1] ПНВ(аббр.) – Прибор Ночного Видения.

чительно мельче нашей луны, или же их орбиты пролегали на большем расстоянии от планеты. Тем не менее, зрелище оказалось весьма занимательным. А уж когда тёмное небо один за другим перечеркнули несколько длинных росчерков, стало ещё интереснее.

- Болиды? – уставившись в небо, предположила Света.

- Болиды ТАК не летают, – покачал я головой, ткнув пальцев в сторону одной из световых «стрел», вдруг резко изменившей траекторию полёта. На миг замерев на месте, зеленоватая звёздочка полыхнула яркой вспышкой и, заложив пологую дугу, скрылась за горизонтом. – Всё страньше и страньше...

- Ты тоже читал этого островитянина? – удивилась моя подруга.

- А?

- Шарль Додсон. Это цитата из его сказки «Алиса в Стране Чудес», – пояснила Света.

- А разве её не Кэррол написал? – почесал я затылок.

- А, это псевдоним! – отмахнулась девушка. – Он его взял, чтобы не испортить себе репутацию. Ну как же, знаменитый математик и философ, профессор и диакон Оксфордского университета пишет детские сказки… Невместно, видите ли, столь уважаемому лицу заниматься таким легкомысленным делом. Эти островитяне такие смешные! Порой даже не верится, что они один народ с материковыми французами. Те хоть и жадны порой до изумления, да и юмор у них бывает...

туалетный, но подобную ерунду ущемлением достоинства не посчитали бы точно. Наоборот, в метрополии своих писателей любят и ценят. Будь то созерцатели[2] или беллетристы, сказочники или журналисты. А уж к какому сословию они принадлежат – дело десятое. Островитяне же… нет, ты представляешь, они серьёзной литературой считают побасенки, в которых местная знать описывает события и случаи из своей реальной жизни, подчас весьма неприглядные! И чем завуалированнее будет подана история, тем лучше. Ну, бред же! А действительно талантливых писателей шельмуют... вот и пришлось Шарлю Додсону взять псевдоним. Говорят, по совету своего первого издателя, каледонца Эдмона Ятса.

- Ой-ёй... Светочка, солнышко! Слишком много информации… – я схватился за голову в деланном ужасе. Но, заметив взгляд подруги, улыбнулся. – И откуда ты о них столько знаешь-то, а?

- Интересно было, – пожала плечами девушка. – Мне мама в детстве читала сказки про Алису, потом я подросла, перечитывала их сама, пожелала найти другие произведения Додсона, да и о самом писателе хотелось узнать побольше. Вот, например, ты знаешь, что он даже к нам в Россию приезжал? И его здесь, между прочим, принимал митрополит Новгородский и всея Руси Филарет! Додсон даже дневники оставил под названием: «Дневник путешествия в Россию од-

[2] Созерцатели – здесь, имеются в виду мыслители, которых в реальном мире окрестили бы «философами».

на тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года»… Ну, они же ведут исчисление от Рождества Христова, потому и год такой... Самое забавное, что это вообще была единственная поездка Додсона за пределы родного острова. Больше он никогда никуда не ездил.

Я слушал Свету, прижимал её к себе и всё больше убеждался, что девчонка просто боится. Боится и заговаривает зубы, чтобы только не думать о происшедшем с нами казусе... А ведь так и до полноценной истерики недалеко. Я обнял её за плечи и бросил взгляд на двухвостого. Тот, оторвавшись от вылизывания опустевшей кастрюли, ещё четверть часа назад полной ухи, тихо муркнув, скользнул Свете на колени и умиротворяюще затарахтел. Пальчики девушки вцепились в его шерсть, а сама она уткнулась носиком мне в плечо и тихо-тихо заплакала.

- Ну-ну, солнце моё. Не переживай, прорвёмся, – не психолог я и... как нормальный мужик женских слёз попросту побаиваюсь. Но тут ведь и деваться некуда. Не сбежать же! – У нас есть связь с нашим миром и специалистами, занимающимися именно проблемой перемещения между мирами, имеется даже прибор для открытия порталов. Так что, выберемся, Светик. Обязательно выберемся.

Ну, в самом деле, не объяснять же плачущей испуганной девушке, что Грац с его людьми искали решение совсем другой задачи, и если бы не интриги Остромирова, мы бы сюда и вовсе не попали. Ни к чему это. По крайней мере, сейчас.

- Я тебе верю... Ероша… а расскажи мне о своём мире, пожалуйста, – сквозь слёзы попросила Света. Ну, уже хорошо. На контакт идёт, в себе не закрывается, даже отвлечься пытается. Может, пронесёт?

- Мой мир... мой мир теперь тот же, что и твой, – тихо произнёс я. – А то место, где я родился... оно осталось в прошлом и я об этом совершенно не жалею. Но если ты хочешь, расскажу о нём. Начнём с отличий?

- Давай, – не пытаясь выбраться из моих объятий, Света завозилась, устраиваясь поудобнее.

- Ну... пожалуй, начать нужно с того, что твой и мой бывший миры когда-то были параллельными. Те же страны, те же исторические персонажи, те же процессы в обществе... Но, были и различия. Здесь не тот полководец выиграл битву, там подписали не тот документ. И эти различия нарастали. Но если бы дело было только в них, оно бы и ничего. При прочих равных, наши миры, наверное, так и оставались бы похожими друг на друга, как родные братья, но... было одно кардинальное различие, напрочь ломавшее это сходство. Видишь ли, в моём прошлом мире отсутствуют философия и естествознание. Точнее, под этими словами понимаются совершенно иные вещи. Философов того мира, например, здесь называют созерцателями. А под естествознанием понимают изучение природных процессов и явлений. И никакого ментального манипулирования, никаких конструктов, наговоров, проклятий и прочего сказочного волшебства. Нет их,

поскольку человек в том мире не способен оказывать прямого воздействия на реальность одним лишь усилием воли.

Если и был более удачный способ прервать Светин слезоразлив, я такого придумать не смог бы. От моего заявления девушка на миг замерла и, выпутавшись из объятий, внимательно всмотрелась в моё лицо, словно пытаясь найти в глазах намёк на шутку.

- Ты серьёзно? – утерев слёзы невесть откуда выуженным платком, спросила она.

- Абсолютно, – кивнул я в ответ. – Ружане Немировне пришлось приложить немало усилий, чтобы разобраться в этой проблеме и снять блокировку с моего разума, которая, как оказалось, имеется практически у каждого жителя моего прошлого мира с самого рождения.

- Блокировка... но это значит, что кто-то в том мире её тебе поставил, разве не так? – после недолгого размышления, произнесла Света.

- Совершенно необязательно, – отозвался я и, не желая светить некоторые особенности происхождения князя Старицкого, перевёл стрелки на всё тех же волхвов. – Бийские долго разбирались с этим казусом и пришли к выводу, что блокировка имеет самопроизвольный характер. То есть, разум сам блокирует «сверхъестественные» способности, скорее всего, по той причине, что информационное поле того мира слишком агрессивно и может запросто свести с ума незащищённого от его влияния человека. Вот у тамошних

обитателей и выработалась своеобразная защита, побочным эффектом от которой стала практически полная блокировка информационной оболочки потенциальных ментальных операторов. Как результат, мир пошёл по совершенно иному пути развития.

- Как это? Даже у нас естествознанию и философии, как полноценным наукам, едва исполнилось полторы сотни лет, – нахмурилась Света. – За такой срок вряд ли возможны серьёзные расхождения в развитии.

- Ошибаешься, милая, – вздохнул я. – Во-первых, сами ментальные манипуляции в виде наговоров и всяческих проклятий существовали задолго до появления этих наук. Да и такие организации, как круг волхвов на Руси или магические ковены Европы оказывали своё влияние на развитие общества, когда о философах и естествознатцах ещё никто и слыхом не слыхивал. А кроме того, заметь, с развитием наук о ментальном оперировании наш мир ушёл от такой вещи, как использование исчерпаемых ресурсов. Мы перестали топить дома дровами и углём. Зачем, если с этим, как и с освещением, кстати, справится обычный домашний накопитель, заряжаемый любым человеком одним прикосновением? В моём же прошлом мире газ, уголь, нефть, делящиеся материалы и вещества, пригодные для создания энергоёмких электрических батарей, вроде того же лития, до сих пор добываются в промышленных масштабах, потому как обеспечить вечно растущую потребность человечества в энергии иными

способами там невозможно. Нет там бесплатной ментальной энергии, понимаешь? И науки развиваются с соответствующим уклоном. Новые способы добычи энергии, методы её экономии... и оружие для защиты своих ресурсов, куда ж без него. Как результат, постоянные трения между государствами и вечно тлеющие конфликты, где «большие дяди» меряются размерами помощи воюющим сторонам. А то и собственных солдат на «обкатку» присылают. Монархий нет... почти нет. А те, что есть, на большую политику практически не влияют. Бал правит зелёная бумажка, печатаемая сборищем банкиров и обеспеченная лишь силой авианосных флотов принадлежащей им страны.

- Банкиры владеют целой страной? – удивилась Света.

- Не открыто, понятное дело, и не только банкиры. Оружейные корпорации, агрокорпорации… совладельцев порядочно. А вот печатный станок, штампующий доллары, принадлежит банкирам вполне официально, – я махнул рукой. – Форма правления у этой страны де-юре – президентская республика с двухпалатным парламентом. Но реально, имеются лишь две партии, не отличающиеся друг от друга ничем, кроме внешних атрибутов, и существующие на деньги всё тех же «совладельцев». Кроме того, в США узаконена коррупция в виде так называемого «лобби», позволяющая абсолютно законно покупать нужные законы и установления. Но всё это называется громким словом «демократия», которую они и продвигают по всему миру.

- Зачем? – не поняла моя подруга.

- Упрощение контроля над якобы независимыми государствами, размытие ответственности, отсутствие обязанностей исполнять любые договора, «подписанные прошлой администрацией». Удобная схема для выкачивания ресурсов. Ведь куда проще купить какого-нибудь «всенародно избранного президента» или «единогласно выдвинутого парламентом» премьер-министра, срок правления которых конечен и невелик, чем завоёвывать их страны. Расходы несопоставимы. Это если коротко и не вдаваться в подробности, – ответил я.

- А ты эти самые сэшэа не любишь, да, Ероша? – заметила девушка.

- Я и «демократию» их не люблю, – а что тут отрицать-то? В том виде, в котором эта самая «демократия» продвигается... да ну её куда подальше! – Это ж обман чистой воды. Ширмочка, которой прикрывают безнаказанный и безответственный грабёж всех и вся.

- А что другие страны? – поинтересовалась Света.

- Либо отбрыкиваются от США, получая в отместку ворох торговых ограничений, заметь, при декларируемом примате свободной торговли, либо становятся их сателлитами. Фактически, вассалами, в самом худшем понимании этого слова. Прикажет заморский дядька, и местные, купленные на корню элитки закроют свои производства, оставив собственных граждан без работы. Прикажет, будут собирать деньги на финансирование военных операций этого самого замор-

ского дядьки… изымая их, естественно, из карманов всё тех же граждан. В общем, «веселуха» та ещё.

- А Россия?

- А Россия пережила три революции, две мировые войны и развал страны. А когда вновь начала собираться в единое государство и посмела заявить о собственных национальных интересах, тут же вновь стала «самым страшным врагом всего цивилизованного мира».

- Но это значит... война? – нахмурилась девушка.

- Почти наверняка. А знаешь, что хуже всего? – вздохнул я. – Если Вторая мировая война унесла по разным подсчётам от пятидесяти до восьмидесяти миллионов жизней, то Третья станет последней. Воевать после неё будет некому, не на чем и незачем. Накопленного человечеством арсенала ультимативного оружия достаточно, чтобы физически уничтожить планету... несколько раз.

- Ерофей… это страшно, – Света поёжилась.

- Ещё как. Особенно страшно профессиональным военным, понимающим, что такое «тотальное уничтожение», – согласно кивнул я в ответ. – Для учёных это очередная «интересная физика». А политикам и стоящим за их спинами «совладельцам» не страшно. Первые живут по принципу «после нас хоть потоп», а вторые надеются на бункеры и мечтают об очистке планеты от лишнего населения.

- А обычные люди?

- А что они могут? – пожал я плечами. – Простых людей

никто ни о чём и спрашивать не станет. До выборов так точно. Но до них же ещё дожить надо.

- Бр-р, – Света ссадила со своих коленей пригревшегося двухвостого и, поднявшись на ноги, тряхнула головой. – Мне твой мир не нравится.

- Его жителям, поверь, происходящее тоже не по нраву. По крайней мере, тем, кто умеет думать, – отозвался я и, глянув на затухающий костёр, встал с хвойной подстилки вслед за подругой. – Ладно, пора спать. Завтра будет долгий день и нам понадобится немало сил.

Ночь, проведённая нами в шалаше, «выращенном» мною из ближайшего кустарника по методу Остромирова, прошла без эксцессов. Света уснула, едва её голова коснулась моей свернутой валиком куртки, послужившей девушке подушкой, а я ещё некоторое время ворочался в темноте, прогоняя не самые приятные мысли из головы. Короткая история, поведанная мною подруге, разбередила память, так что уснуть мне удалось лишь через добрых полчаса.

Утро в новом мире встретило нас лёгкой прохладой, хлопьями тающего на ярком солнце тумана, выползшего из ложа протекавшего рядом ручья, пением птиц и запахом разнотравья, доносящегося с опушки. Удивительно, но от вчерашней хандры, что моей, что Светиной, не осталось и следа. А уж когда отправленный в наш мир с записками для знакомых, котяра вернулся с пухлой стопкой исписанных листов, среди которых нашлись письма не только от княжьей четы и

госпожи Багалей, но и целая рукопись от Граца, настроение и вовсе стало радужным. Правда... был один смущающий момент. В конце письма Рогнеда Владимировна настоятельно просила «не гонять бедного котика туда-сюда ежечасно» и предлагала ограничиться доставкой почты по вечерам. Учитывая, что первые письма мы отправили почти сутки назад, эти строки наводили на странные размышления...

Как бы то ни было, мы решили отложить эксперимент с новыми письмами до вечера, а день посвятить изучению окрестностей. Благо, заботиться о еде нам было не обязательно, поскольку из дома Старицких двухвостый прибыл нагруженным целым рюкзаком с припасами, которых нам хватило бы на неделю. И ведь довольным явился, чуял, что среди собранных гостинцев найдётся что-то вкусное и для него самого. Собственно, не только княжья чета решила взять на себя роль снабженцев. Матушка Светланы прислала с двухвостым некоторое количество одежды для дочери, а Грац... ну это же Всеслав Мекленович! Мой научный руководитель не был бы собой, если бы не прислал добрый десяток миниатюрных измерительных инструментов, напичканный специальными программами чрезмерно навороченный зерком и целый ворох распоряжений и инструкций, объясняющих как всем этим добром пользоваться и какие данные необходимо ему передать. Энтузиаст, чтоб его! Исследователь миров... дистанционный, понимаешь.

А вот откладывать эту работу в долгий ящик всё же не сто-

ит. Грац – человек упёртый. Пока не получит затребованные сведения, не успокоится... да и нам оно на руку. Чем быстрее соберём первичную информацию, тем быстрее её обработают подчинённые Всеслава Мекленовича, и тем скорее, соответственно, будут завершены работы над прокладкой нового портала в этот мир.

Хорошо ещё, что ничего особо сложного в предоставленной Грацем технике не было. Никаких сотен настроек, всё просто, кондово и... довольно удобно, как оказалось. И всё же, мы со Светой разделили обязанности. Я занимался замерами, а подруга – внесением данных в программы зеркома. Но этим мы занялись после умывания и завтрака, в процессе обследования близлежащих территорий. И каково же было наше удивление, когда скакавший по частотам радиосканер, повешенный мною на шею, чтобы не мешался в пути, вместо неопределённого шипения и отзвуков бушующих где-то гроз, вдруг взорвался звуками... музыки. Слов в ней не было, но инструменты звучали узнаваемые, хотя...

- А что тут удивительного? – вздохнула Света. – Если растения здесь земные, и есть разумная жизнь, то почему не предположить, что это ещё один мир, параллельный нашему? Тогда и с музыкой и инструментами становится всё понятно. Одинаковые условия развития предполагают схожие решения, не так ли?

- Может быть, – чуть заторможено кивнул я. – Впрочем, подтверждение того, что в этом мире есть разумная жизнь,

мы получили ещё вчера. «Болиды» помнишь?

- Слабенькое подтверждение, – заметила подруга.

- А это? – я поболтал в воздухе до сих пор заливающимся трелями незнакомой композиции радиосканером.

- А это уже аргумент, – фыркнула Света и, тяжко вздохнув, спросила: – Ну что, будем искать выход к людям, или...

- Знаешь, я бы пока предпочёл «или», – после недолгого размышления предложил я. – Во-первых, ломиться в неизвестность, не зная ничего о местном обществе, было бы, как минимум, непредусмотрительно. Можно нарваться на проблемы. Во-вторых, у нас вполне достаточно припасов, и имеются возможности ментального оперирования, чтобы не беспокоиться о комфортном быте в отрыве от цивилизации.

- А «в-третьих» есть? – поинтересовалась девушка.

- Найдётся и «в-третьих», – я вновь чуть помедлил и улыбнулся: – Мне бы хотелось провести побольше времени с тобою наедине. Без городской суеты и всяких дел, требующих внимания и времени, которое я вынужден был бы отрывать от нашего отдыха. В конце концов, каникулы у нас или нет?!

- Каникулы, – весело подтвердила Света и, повиснув у меня на руке, громко чмокнула в щёку. – Я тоже буду рада провести с тобой это время, Ероша!

- Вот и договорились, – я обнял девушку и, чуть приглушив динамик радиосканера, договорил: – Теперь главное, не обнаружить, что мы забрались в какой-то местный охраняемый заповедник и не нарваться на местных эльфов-лесник.

Я читал в сказках, что остроухие не любят незванных визитёров в своих владениях.

- Да уж, это был бы весьма непрезентабельный Первый Контакт, – рассмеялась Света.

- Вот-вот, представляешь, что напишут в учебниках истории? Конфуз же. Как есть конфуз на весь мир, – улыбнулся я в ответ.

Глава 2. Ходи-ходи, да смотри не упади

Радио шалило. Музыкальные композиции и новости на добром десятке неизвестных языков частенько перебивали друг друга, сменяясь то классическим русским, то какой-то жуткой смесью наречий, в которой я только чудом распознавал отдельные слова. То тюркские, то похожие на болгарские. А услышанное однажды, произнесённое весёлым диджеем «нихао» и вовсе заставило мои брови взметнуться вверх. И ладно, если это был бы результат перебора частот, но нет. Я специально оставил его на приёме одной волны на целый час, но впечатление осталось прежним. Менялись мелодии, менялись дикторы и языки, а порой их и вовсе заглушал атмосферный треск без единого намёка на ведущуюся радиопередачу… Странное дело.

А тут ещё и наблюдавшая за некоторыми из присланных Грацем приборов, Света обратила моё внимание на поведение обычного компаса, стрелка которого время от времени просто сходила с ума. Она то начинала дёргаться из стороны в сторону словно припадочная, то крутилась, как бешеная, делая по три-четыре оборота в секунду, вращаясь то в одну, то в другую сторону. Высотометр вроде бы вёл себя приличнее, но время от времени и его стрелка-указатель начи-

нала врать, как потерпевшая, пытаясь убедить в том, что мы то поднимаемся на пару десятков метров вверх, то скользим вниз со скоростью пары метров в секунду. Учитывая, что в это время мы со Светой сидели у входа в наш шалаш, утверждение сие было подвергнуто оправданному сомнению.

- Не понимаю, – моя хмурая нынче подруга потёрла пальчиками виски и с отвращением взглянула на компас, стрелка которого вновь задёргалась из стороны в сторону. – Ничего не понимаю.

- Аналогично, – протянул я, постучав по стеклу прибора. Понятное дело, что цитату Света не узнала, но мне уже было не до того. Задетый моим бездумным жестом регулятор громкости вывернул звук динамика радиосканера почти на максимум, и тот вновь зашипел и забулькал, словно искал частоты. Миг, и стрелка компаса застряла в одном положении, а в наши уши ворвались ноты какой-то весёлой джазовой композиции. – Света, глянь на альтиметр, а?

- Что? – отвлеклась от размышлений подруга.

- Я говорю, взгляни на высотометр. Что он там кажет… – повторил я свою просьбу.

- Восемьдесят шесть метров над уровнем моря, – с готовностью сообщила Света.

- Ага, запишем, – я включил зерком и, открыв текстовый редактор, набрал полученные данные и время их засечки.

- Ты что-то понял? – спросила девушка, с любопытством поглядывая в мои записи.

- Скажем так, у меня появились кое-какие предположения, – протянул я. – Но их ещё стоит проверить.

- Ну не тяни, Ероша! – вцепилась в мой рукав подруга. – Рассказывай!

- Рано, – отрезал я. – По уму стоит вообще все сутки отвести на фиксацию данных...

- Ну, Ерофе-ей! Я ж умру от любопытства, – почти всерьёз обиделась Света и, заметив вышедшего из-за наших спин двухвостого, решила заручиться его поддержкой. – Кот, скажи своему напарнику, чтоб не тянул тебя за... хвосты!

- Мр-ря? – потусторонник перевёл удивлённый взгляд со Светы на меня, потом повторил ту же процедуру в обратном порядке и, махнув упомянутыми хвостами, гордо удалился в шалаш, проурчав напоследок что-то, что я расшифровал бы как: «Не вмешивайте меня в свои брачные игры»...

В этот момент радиосканер снова булькнул-хрипнул и вместо джаза из его динамика донеслись до нас какие-то «айлюли, раз-люли…»

- Света, данные! – потребовал я. Надо отдать должное подруге, та не стала выкаблучиваться и отреагировала моментально.

- Высота – семьдесят два метра, отклонение стрелки компаса от предыдущего положения… шесть румбов к условному востоку… через четыре полных оборота посолонь, – протараторила она.

- Ага, а напряжённость информационного поля упала аж

на полторы сотни пунктов разом, – отметил я изменения на ещё одном грацевском приборе и тут же поторопился внести эти данные в файл.

- Е-ро-фей! – убедившись, что я закончил с записью, Света ткнула меня пальчиком в плечо. Жёстко. – Рассказывай. И тогда я, возможно, объясню, как можно упростить твою работу.

- А? – не понял я.

- Оп-ти-ми-за-ци-я, – вновь по слогам произнесла довольная подруга… шантажистка. – Слышал такое слово? Во-от, с ней я тебе и помогу, если ты сейчас же... Слышишь? Сейчас же объяснишь, что ты там придумал.

- Ой, да без проблем, солнышко, – я сполз с брёвнышка, на котором мы сидели со Светой и, развернувшись, уложил голову на её круглые коленки, сейчас едва прикрытые коротким подолом лёгкого сарафана. – Мы предположили, что нас перенесло в другой мир, так?

- Мы? Напомню, ты просто поставил меня перед фактом нашего переноса, – фыркнула Света, но голову мою со своих коленей скинуть даже не попыталась. Ещё и запустила пальчики в мою изрядно отросшую шевелюру. Оно, конечно, приятственно, но... вернёмся домой – постригусь. Не люблю длинные патлы. – А что, хочешь сказать, что мы до сих пор дома и просто угодили в какую-то аномалию?

- Нет, не совсем, – я сдержался, чтобы не покачать головой. Уж очень приятный массаж. – Наш мир мы, кажется,

действительно покинули. А вот с прибытием на другую остановку всё не так просто.

- Стоп... – Света замерла. – Смена координат... изменение плотности инфополя… Ты хочешь сказать, что мы до сих пор «едем» прочь от нашего мира, да? Именно поэтому меняются показания приборов? И радио словно скачет по частотам, хотя на самом деле мы просто то удаляемся от одного мира, то приближаемся к другому, так? Будто на поезде едем от станции к станции.

- Ну да, примерно. И ветер в здешнем лесу с его постоянной переменой направления оттуда же. В точках прибытия воздух постоянно тянет в сторону области пониженного давления, вот и шумит лес, не переставая, – всё же кивнул я и... чуть не замурчал, как двухвостый, когда Света вновь стала перебирать мои волосы. Эх, но ведь работать надо, да? – Так что там с оптимизацией?

- Подключи приборы к зеркому и выставь запись данных по изменению показаний хотя бы на одном из приборов, – склонившись надо мной, тихо шепнула на ухо Света, а я... кхм, несколько выпал из реальности. И нет, вовсе не от осознания своей глупости! Просто когда подруга подалась вперёд… в общем, вид открылся весьма залипательный, да... Сарафан-то свободный и с широким воротом...

- Ерофей...

А с нижним бельём, кажется, Светик решила не заморачиваться...

- Ероша!

Она вообще у меня настоящая красавица, а тут... молодое тело, гормоны только что из ушей не хлещут. И виды такие…

- Ерофей, чтоб тебя!

Хлоп!

Все фривольные мысли вышибло у меня из головы в один момент. Вот что оплеуха животворящая с людьми-то делает!

- Очнулся? – и голос ласковый такой. Нежный и тёплый... как прорубь на Крещение.

- Угу, – я поднял голову с колен подруги и, потерев обожжённое лёгкой пощёчиной лицо, уселся на траву.

- Вот и замечательно, – прищурившись, Света довольно кивнула и протянула мне руку. – Давай сюда зерком, я сама всё настрою. А ты пока… вон, к ручью сходи, охладись.

- Благодарю за заботу, Светлана Брячеславна, – отозвался я, поднимаясь на ноги и вручая ей стекляшку. – Непременно воспользуюсь вашим безмерно ценным советом.

- Ерофей… Ероша, ты что, обиделся, что ли? – подруга вздрогнула от моего тона и затараторила, будто опасаясь, что я не пожелаю её выслушать. – Ну, прости! Я тебя звала-звала, а ты завис, словно старый вычислитель, и даже не моргал! Вот и пришлось в чувство приводить... как смогла.

- Лучше бы поцеловала, – буркнул я.

- Ага, – извиняющиеся интонации моментально и напрочь исчезли из голоса Света, зато ядком плеснуло о-го-го как! – А то я не поняла, на что ты так уставился! Да поцелуй я тебя,

и чёрта с два отбилась бы!

- Я же обещал, – вздохнул я. Света встала с бревна и, обняв меня за шею, боднула лбом в плечо.

- Помню я, помню, – тихо проговорила она уже без какого-либо намёка на насмешку в голосе, и буркнула совсем уж неслышно... ну, почти неслышно. – Но я же тоже не железная.

- Предлагаю устроить банный день, – неожиданно даже для самого себя произнёс я через полминуты, проведённые в обнимку со Светой в полной тишине, и подруга тут же встрепенулась. Оживилась, взвизгнула и, наградив лёгким поцелуем, тут же развила чрезвычайно бурную деятельность... Даже двухвостого к своей возне привлечь не постеснялась. Ну, зато неудобную тему замяли, переключившись на «важное».

С помывкой в условиях леса, даже при наличии ручья под боком и даже летом, есть некоторые проблемы. Но, в конце концов, ментальное оперирование нам на что?

Устроить ванну, правда, как хотелось поначалу, и как я пообещал Свете, увы, у меня не получилось. Нет, вырыть подходящую выемку прямо в ручье труда не составило, вот только под его песчано-каменистым ложем оказался толстенный слой глины, моментально замутившей получившийся бочажок и, что самое неприятное, вымываться водой эта муть, кажется, вовсе не собиралась. Пришлось вернуть всё как было и, повозившись с расчётами модели мен-

тальной манипуляции, устроить вместо пародии на классическую ванну обычный душ. Ну... не совсем обычный, но работающий. Техника вышла достойной, и вскоре на берегу ручья забил небольшой фонтан, струи которого, вздымавшиеся на трёхметровую высоту, подогревались отдельным конструктом, позволявшим регулировать температуру проходящей через него воды одним движением руки. Да, я был горд результатом. Сорок минут расчётов, и оно заработало! С первого раза и без осечек, между прочим.

За это время Света успела и настроить зерком для работы с приборами, и собрать вещи для душа... и даже дурашливо поканючить на тему: «ну когда же, ну когда?». Так что... в общем, кто взял на себя труд первым испытать на себе работу моей поделки, можно не объяснять. Сам я до душа добрался лишь спустя добрый час после Светы. Зато к тому моменту, когда подруга выползла из облака напущенного ею… из скромности, ага… тумана, окружавшего наш самодельный душ, я успел заварить чаю на костре, нарезать толстеньких «походных» бутербродов и распотрошить пакет с печеньем. Так что, когда укутанная в длинный банный халат, притащенный двухвостым специально для неё из дома, Светлана вернулась в наш лагерь, её уже ожидал плотный перекус, от которого к моему возвращению из «душевой» остались лишь воспоминания да полкотелка чая. Впрочем, поняв, что натворила, подруга не стала делать вид, будто она здесь вообще не при делах, и тут же взялась «накрывать стол» заново.

А вечером нас ждало ещё одно подтверждение высказанной мною гипотезы. Зелёный купол над нами по-прежнему не пропускал света звёзд, но в этот раз на небе не было давешних «болидов», как не появились и луны. Ни одной, ни двух, ни трёх... так что, едва солнце, на этот раз для разнообразия, наверное, закатившееся на севере, скрылось за горизонтом, как на землю просто обрушилась абсолютная тьма. Она была плотна настолько, что в ней невозможно было рассмотреть даже собственную руку. Глухая, беспросветная темнота, в которой шелестит ветер, да изредка подают голос какие-то ночные пичуги. И ведь даже на шугаются отсутствия хоть какого-то освещения!

Свет зеркома в этой тьме казался резким, как вспышки электросварки, даже при убранной на минимум подсветке. Про фонари я даже не упоминаю. Когда подруга потянулась, чтобы зажечь повешенный в шалаше походный фонарик, я еле успел её остановить. Хорошо ещё, зерком работал, так что рассмотреть движение Светы не составило труда.

- Ослепнем на фиг! – проговорил я, когда девушка замерла в моих руках испуганной птичкой. – Лучше подсвети зеркомом, пока я буду разводить костёр, но на огонь не вздумай смотреть. Вообще, сядь спиной ко входу в шалаш и не оборачивайся.

- Поняла, – кивнула Света и завозилась, устраиваясь поудобнее. А я пополз на выход из шалаша, по пути прикидывая, как бы самому не схлопотать по глазам в процессе раз-

жигания огня. Сообразил, конечно.

Ладонь зависла в полуметре над дровами, как оказалось, весьма предусмотрительно сложенными нами в кострище ещё до наступления темноты. Я отвернулся и зажмурился, отпуская на свободу простейший конструкт из арсенала пресловутого волхва и... даже сквозь крепко зажмуренные веки по глазам полоснуло вспышкой. В другое время, и, самое главное, в другом месте, я бы от такой засветки даже не поморщился, но в этой тьме... это было неприятно. Свете пришлось легче. Сидевшая спиной ко входу, держа над плечом зерком, подсвечивавший пространство перед шалашом, девушка даже не пискнула, когда занявшиеся огнём дрова ярко вспыхнули, озаряя наш бивак неровным, скачущим оранжево-жёлтым светом. По кустам и деревьям заметались причудливые ломаные тени, а я неожиданно для самого себя облегчённо выдохнул. Оказывается, я не дышал с того самого момента, как остановил руку подруги, потянувшейся к фонарю, висящему в шалаше. Однако…

Потрескивающее пламя костра словно вдохнуло жизнь в наш притихший лагерь. Завозилась, копаясь в наших вещах, Света, запиликал что-то умиротворяющее включённый мною радиосканер... Да и притихшие было птицы вновь начали подавать голоса. Они, очевидно, просто протормозили, с запозданием отреагировав на темноту, что обрушилась на наш лес. Ну, в принципе, понятно… с мозгами-то у них негусто. М-да, это был интересный опыт.

Я, кажется, даже стал лучше понимать наших предков, что «населяли» ночную темноту всякими потусторонними тварями и опасностями.

- Мр-ряу?

- А то ты не хищник? – развёл я руками, когда оказавшийся у моих ног двухвостый подал голос. – Или скажешь, твои… э-э… соплеменники никогда не охотились на людей?

- Мр-хр, – котяра демонстративно отвернулся и, обернув лапы хвостами, изобразил оскорблённое достоинство. Мол, сдались нам эти кожаные мешки с мясом!

- Ну, пугали. Пугали же? – я ткнул напарника в спину. В ответ пришёл образ, похожий на что-то вроде: «Па-адумаешь!». – Во-от, хвостатый, а я о чём! Значит, был у наших предков повод рассказывать друг другу страшные байки о бабайках, что прячутся в ночи. Так и, вообще, чего сидим, кому хмуримся? Держи кристалл, отнеси Грацу. Проф, небось, уже по потолку бегает, весточки от нас дожидаючись. С меня свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе.

- И пиво! – потребовала, выбираясь из шалаша, Света.

- В холодильнике у нас дома возьми бутылочку, пожалуйста, – тихо попросил я кота. Тот фыркнул, но, схватив зубами протянутый ему кристалл с отчётом для профессора и письмом для Рогнеды Багалей, послушно исчез из виду.

- А что так мало? – прищурилась подруга.

- Во-первых, та бутылка ёмкостью в два штофа, – устраиваясь поудобнее у костра, протянул я. – Во-вторых, она там

одна и есть. А если котяру отправить в лавку, боюсь, продавец не обрадуется. Грацу сейчас не до выполнения наших хотелок. Княжью чету такой просьбой… ну, лично я бы напрягать не стал. И что остаётся? Просить пиво у Рогнеды Владимировны? Думаешь, она согласится исполнить твою просьбу?

- Вот ты... – Света рассмеялась. – Может и согласится, но головомойка по возвращении тебе будет обеспечена. Ручаюсь!

- Почему это? – возмутился я. – Пива хочешь ты, а получать нагоняй должен я? С какого перепугу?

- Так ведь, ты же взял на себя ответственность за меня, вот и отвечай... – хитро ухмыльнулась подруга. Лиса лисой… А ведь была такая скромная, можно сказать, порядочная девушка!

- Эй, ты что, хочешь сказать, что я стала непорядочной? – возмутилась Света. Ну да, ну да, я почти поверил!

- Беспорядочной, – фыркнул я в ответ, – Нет, а как ты хотела?! Шляешься по лесам с каким-то странным типом, якшающимся с нечистью, ночуешь с ним, то есть, со мной, в одном шалаше под одним же одеялом, да ещё и родную мать за пивом гоняешь! Ну, как такая девушка может быть порядочной?

- Ук-куш-шу!

Весёлую возню, устроенную нами у костра, прервало появление довольного котяры, сжимающего в зубах целый «па-

тронташ» свиных рёбрышек. А рядом с ним брякнулась на землю солидная, отливающая зеленью стекла, большая бутылка пива, некогда припасённая мною в качестве одного из ингредиентов рецепта запекания рульки. Но на этом двухвостый не успокоился. Вновь исчезнув, он почти тут же вернулся с листом бумаги в зубах. Выплюнув помявшуюся записку, написанную торопливо-корявым почерком Граца, кот обозрел притащенные им вещи, удовлетворённо уркнул и, пройдя прямо по мне и Свете в шалаш, пошебуршав подстилкой, завалился спать. Хотя, на черта потустороннику сон, кто бы мне объяснил?

Пришлось нам с подругой распутываться, приводить себя в порядок и... заниматься делом. И начали мы, понятное дело, с известия, присланного профессором. А тот, кажется, отписался, даже не ознакомившись детально с присланным отчётом. Всеславу Мекленовичу хватило проставленной на нём даты, чтобы разразиться целой очередью вопросов, нашедших своё место в его записке.

Да, дату мы указали, исходя из времени, проведённого под сине-зелёным небом этого странного места. Вот тут и выплыла неувязочка. Оказывается, с момента нашего исчезновения в мире Светы прошли сутки, тогда как мы здесь ошиваемся уже четвёртые. Ну, что-то такое мы заподозрили ещё в тот момент, когда ознакомились с письмом Рогнеды Владимировны. Вот только... по нашим подсчётам выходило, что разница во времени должна быть несколько больше. Ну, по

крайней мере, если ориентироваться на те данные, что Багалей указала в своём письме дочери. Это я о просьбе «не гонять ежечасно котика туда-сюда…». Тогда выходило, что плотность, если так можно выразиться, временного потока здесь выше, чем в нашем мире... примерно в десять раз. Если же исходить из присланной нам Грацем записки, то здесь и сейчас эта условная плотность выше «всего лишь» вчетверо. Тоже не фонтан, конечно, но всё же!

- Я думаю, что скорость хода времени изменяется так же нелинейно и зависит от того, какова скорость течения времени в том мире, к которому наш «поезд» ближе всего в данный момент, – после недолгого размышления произнесла Света, и я не нашёл возражений для этой гипотезы. Впрочем, доказать её правоту я тоже не мог. По крайней мере, без соответствующих опытов. И вот как раз на их проведении Грац и настаивал в своём письме.

- Сейчас проверять точно не станем, – подвёл я итог. – Что-то мне не хочется шариться по ночам не пойми где, слишком велика опасность потеряться и отстать от этого самого «поезда».

- Но ведь рано или поздно это предположение всё равно придётся либо подтвердить, либо опровергнуть, – с лёгкой грустинкой в голосе произнесла Света. – А то ведь твой Вселав Мекленович пока результат не получит, с нас не слезет. Верно?

- Вот именно! Рано или поздно, – я воздел указательный

палец к небу. – И я бы предпочёл вариант «поздно». У нас и без того дел валом, знаешь ли.

- Каких это? – удивилась девушка.

- Ну как?! – возмутился я. – Коту свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе я обещал? Обещал. Надо готовить. Он тебе пиво принёс? Принёс. Надо выпить. А до того, между прочим, не мешало бы хорошо выспаться. Видишь, сколько дел?

- Согласна, – Света кивнула, безуспешно стараясь сохранить серьёзное выражение лица. – Дел много. И важных. Начнём с последнего?

- Угу, – кивнул я. Подруга, не выдержав, рассмеялась и... отправилась обратно в шалаш, а я остался собирать посылки, принесённые котярой и разбросанные им по лагерю. Рёбрышки отправились в кастрюлю, на которую я тут же наложил охлаждающий конструкт. Чтоб не испортились до утра. Ну а пиво... бутылку я положил в ручей, до которого добрался, подсвечивая себе дорогу всё тем же пресловутым зеркомом. А когда вернулся обратно в лагерь и сунулся в наше укрытие, то обнаружил там сладко посапывающее сонное царство. Попытавшись устроиться хоть насколько-то удобно и покрутившись меж двух сонь, вольготно раскидавших свои конечности по подстилке, я плюнул на осторожность и, закинув кота за спину Свете, отчего тот даже не соизволил проснуться, подтянул девушку поближе к себе, обнял её и, укрыв нас обоих свободным одеялом, нырнул в сон.

А утром нас ждал сюрприз. Нет, начинался день вполне…

да, уже вполне обычно. Утренняя разминка, умывание у ручья, крепкий чай и бутерброды на завтрак, но... было что-то… что-то не то.

- Ерофей, – каким-то тихим, сдавленным тоном позвала меня Света, глядя куда-то в сторону лесной опушки.

- Да? – отозвался я, водружая на подставку из камней только что вымытый мною котелок.

- Посмотри туда, – не оборачиваясь ко мне лицом, проговорила подруга. От её голоса моя рука как-то сама собой потянулась к кобуре, где покоился подарок Брюсова, с которым я не расставался ни днём, ни ночью. По крайней мере, не в этом «поезде» точно...

Поднявшись на ноги, я глянул в ту сторону, куда указывала Света, и поначалу даже не понял, что её так напрягло. Всё тот же пейзаж, деревья, кусты, поляна с разнотравьем у опушки. Никого и ничего лишнего. Ничего нового, неопознанного или опасного... Но стоило мне чуть поднять взгляд вверх, как с губ само собой сорвалось солёное словцо. И, признаюсь честно, не одно.

Небо! Вот о чём говорила Света, и вот что с самого утра не давало мне покоя. Оно было обычным! Голубое небо с перышками летящих по нему белоснежных облачков, обычное солнце, сияющее в вышине, и никакого намёка на уже ставшей привычной лёгкую зелень.

- Приехали, а? – кое-как справившись с собой и матом, хрипло спросил я.

- Ага. Станция конечная, поезд дальше не идёт. Просьба освободить вагоны, – нервно хихикнула Света.

- Так... – я взял паузу, чтобы собраться с мыслями. – Кондукторов-проводников я здесь пока не наблюдаю, так что не кипишим и никуда не спешим. Мало ли, может это не конечная...

- А пересадка, – всё с тем же странным весельем в голосе проговорила подруга.

- Светик, ну-ка, посмотри мне в глаза, – я подошёл к девушке и, крепко ухватив её за плечи, развернул к себе лицом. Не высмотрев в глазах подруги признаков зарождающейся паники, я погладил её по спине. – Нормально же всё, солнце. Ну, небо, ну, голубое… Подумаешь? Что мы, голубого неба никогда не видели? Это ж хорошо! Если мы находимся в мире, похожем на наш, а не мчимся к очередному «параллелью», у нас появляется возможность быстрее вернуться домой. Слышишь? Просто подумай, насколько проще будет Грацу с его помощниками настроиться на стационарный маяк, чем на движущийся где-то за Кромкой?

- Извини, – напряжённые плечи Светы немного расслабились. – Что-то я и в самом деле распсиховалась. Но...

- Понимаю, – кивнул я, не переставая гладить подругу по спине. – Вроде бы только-только привыкла к не самым обычным обстоятельствам и вдруг снова-здорово.

- Угу, как снег на голову, – пробормотала девушка. – Я-то уж думала, что мы так до самого возвращения здесь про-

сидим. Тут хорошо было, спокойно, никого нет. А как оно в другом мире сложится, кто его знает? Ладно, если здесь разумной жизни нет или местные где-то далеко. А если рядом? А если они агрессивные? А как с ними объясняться, если мы языка не знаем?

- Ничего, солнышко, – улыбнулся я. – Доброе слово, оно и кошке понятно. А уж если действовать добрым словом и пистолетом...

- Мр-ря, – лёгкий на помине котяра, вышедший полюбопытствовать, с чего вдруг у его двуногих такой эмоциональный шторм разыгрался, окинул взглядом окрестности, потёрся боком о бедро Светы и, не обнаружив ничего интересного в округе, вальяжно потопал к кострищу, где и уселся в ожидании, пока я, наконец, вернусь к приготовлению обещанных рёбрышек.

Вымахал здоровяк. А я как-то и не заметил, что мой напарник давно перестал напоминать того мелкого котёнка, который когда-то вымогал у меня еду в кафе. А тут, ты глянь, как вымахал. Это уже даже не рысь по размерам, хотя мордально и похож, а чуть ли не пума. Впрочем, нет... до пумы ему ещё надо, как минимум, пару ладоней в холке набрать, не меньше.

Проводив взглядом кота, Света подтолкнула меня в спину, мол, иди, выполняй обещание.

- Давай, уж, как-нибудь без пистолета попробуем, а, Ероша? – вздохнула она мне в спину. А что, я разве против?

Можно подумать, всю жизнь мечтал по иным мирам со стволом наперевес скакать, ха!

Хотя-а… если вспомнить мои приключения с тем обмылком из рода Ростопчиных... Не, всё равно, это ж не в удовольствие было, а необходимость. Суровая, чтоб её, правда жизни!

Главное теперь, чтобы и здесь эта самая правда нас со Светиком не догнала. Хм...

* * *

Виталий Родионович привычным жестом бросил перчатки в шляпу и, отдав хомбург Сварту, двинулся в сторону гостиной. Старый дворецкий, передав вещи помощнику, придирчиво проследил, как тот убирает их в гардероб и, кивнув, последовал за хозяином дома. Несмотря на вид пожилого человека, мужчине понадобилось всего несколько неслышных шагов, чтобы нагнать князя. Как всегда вовремя.

- Есть новости, Сварт? – осведомился Старицкий на ходу.

- Княгиня ещё не вернулись из поездки с детьми. А в остальном... неурочное письмо от юного Хабарова, разве что, – перебрав в уме дневные события, неторопливо произнёс дворецкий. Виталий Родионович нахмурился.

- Вот как? И где оно? – спросил князь, и предусмотрительный Сварт тут же передал ему записку, доставленную странным котом юнца. Не сбавляя шага, Старицкий вчитался в текст письма и... замер посреди галереи, как вкопанный. –

Арбалет?! Боевые болты?! Зачем ему это?

Глава 3. Утро вечера, а день ночи...

Накаркал. Мы со Светой едва успели сделать очередные замеры, когда оборудование вдруг начало выходить из строя. Приборы, присланные Грацем с двухвостым, отказывали один за другим, и первым был зерком. Что, с другой стороны, позволило нам вовремя среагировать на новую напасть. Уж бумажный ежедневник в таких условиях точно не откажет. Мы успели записать показания приборов до того, как те пришли в негодность, и только после этого я занялся определением причин этого происшествия.

Впрочем, долгим разбирательство не было. Стоило открыть сервисную крышку радиосканера, как на ладонь мне выпал растрескавшийся и вздувшийся цилиндрик накопителя, до боли напоминающий обычную батарейку моего прошлого мира. Надо ли упоминать, что и накопители остальных приборов оказались в схожем, то есть, полностью нерабочем состоянии. А вот зерком просто помутнел и теперь выглядел куском матово-чёрного стекла обрамлённым тонким прорезиненным «бампером». Но, оно и понятно: в его случае, функцию накопителя, поддерживающего ментальные конструкты-иллюзии, исполнял сам корпус зеркома, выполненный из специальным образом структурированного материала, лишь внешним видом напоминающего обычное стекло. Таким образом, единственным рабочим устройством,

оставшимся в нашем распоряжении, оказался компас, да и тот напрочь лишился функции автокорректировки, так же работавшей лишь благодаря запитанному от встроенного накопителя ментальному конструкту.

Надо ли говорить, что когда я, удивлённый столь странным поведением оборудования, полез проверять подаренный Брюсовым ствол, сыгравший свою роль в разборках с Остромировым и его подельничками, то обнаружил в нём ту же проблему, что и в других приборах. Взрыв-накопитель, алый кристалл, извлечённый мною из рукояти пистолета, помутнел и растрескался, а спустя несколько секунд и вовсе рассыпался в мелкое крошево у меня в руке, да ещё и полыхнул раскалённым облачком над ладонью, заставив меня дёрнуться от неожиданности и просыпать серую пыль на траву под ногами.

- Весело, – прокомментировал я, демонстрируя любопытной подруге выуженные из приборов неисправные накопители.

- Подожди-ка, – Света взяла один из цилиндриков, покрутила его в руке и, вернув мне, закопалась в мой ежедневник. Не прошло и минуты, как она торжествующе ткнула в какую-то из записей пальцем. – Вот! Смотри!

Я глянул в собственноручно накорябанные строчки. Температура, показания компаса... Напряжённость информационного поля... Стоп! Сколько?! Да в нашем мире она вчетверо меньше! А я и внимания не обратил, записывая дикту-

емые Светой цифры... Исследователь, ёлки!

- Понял, да? – правильно оценив изменившееся выражение моего лица, улыбнулась девушка. – Они просто не выдержали проходящего потока! У нас-то поле куда более инертно. А при здешней плотности энергия сама собой наполняет резервуары. Но они же не резиновые, вот и результат.

- Та-ак, – протянул я, откинувшись на ствол растущего за моей спиной деревца. – А как тогда обстоят дела с нами? Мы-то не лопнем, случаем, от переполнения энергией инфополя?

- Вот ты, вроде бы, умный, и в ментальном конструировании разбираешься, и старые школы вниманием не обходишь... – покачав головой, попечалилась Света. – На профессора Хольмградского университета работаешь, в исследованиях ему помогаешь, а простейших вещей не знаешь. Как так, а?

- Ну-у... вот так, как-то... – развёл я руками и, пощекотав возвышающуюся надо мной подругу под коленкой, отчего она захихикала, поторопил её с ответом: – но ты же просветишь меня, необразованного?

- Да куда ж я денусь? – изобразила печальный вздох Света. И действительно, не делась, объяснила, что к чему. И чем человеческий организм отличается от классических накопителей, используемых в технике. А оказалось всё просто. И ведь читал я об этом, но... в ознакомительной литературе, подсу-

нутой мне Ружаной Немировной, ещё на заре моего «переезда» в новый мир. Прочитал и забыл... за ненадобностью. А оно вон как повернулось.

Из объяснений Светы и собственных воспоминаний выученного когда-то «школьного» материала следовало, что человек вообще не является накопителем энергии инфополя, он проводник и фильтр, по сути. Причём проводник огромной пропускной способности, если можно так выразиться. Иными словами, чтобы неструктурированная энергия мирового инфополя нанесла организму человека хоть сколько-нибудь ощутимый вред, её напряжённость должна быть, как минимум, на три порядка выше, чем это вообще возможно в нашем мире. И этот факт не может не радовать, особенно в нашей-то ситуации.

Как бы то ни было, информация, сообщённая Светой, требовала небольшой проверки. Ведь кто знает, как поведут себя наши ментальные манипуляции при столь сильно изменившемся напряжении инфополя? И, опять-таки, мы уже не первый день занимаемся замерами, а проделать подобный эксперимент раньше мне и в голову не приходило, хотя сам же вносил данные в зерком и ежедневник... Ну, не учёный я, не учёный. У меня мозги на другое заточены!

Проверили. Убедились, что особых изменений не чувствуем, хотя-а... как посмотреть. Конструкты старой школы, как мне показалось, стали получаться несколько... легче, что ли? Не требовали уже такой жёсткой концентрации и точ-

ности волевого посыла, как в нашем мире. А вот с математически выверенными воздействиями современного естествознания ничего подобного не ощущалось. С другой стороны, некоторые переменные следовало бы всё же уточнить. Потому как при отсутствии ощущаемых изменений в работе ментальных конструктов эффект от их действий оказался несколько мощнее. Не так чтобы устроить пожар вместо желаемого костерка, но всё же, всё же...

Поделившись со Светой этой идеей, с лёгким недовольством понял, что её этот момент не заинтересовал вовсе. Да и вообще, последние пару минут подруга выглядела какой-то задумчивой, и на мои расспросы отвечала невпопад. Но когда я заговорил с ней о доработке имеющихся в нашем распоряжении ментальных воздействий, Света меня перебила... И вопрос о её странной отвлечённости отпал сам собой.

- Как думаешь, Ероша, – глядя куда-то мимо меня, произнесла девушка. – А эта железяка Граца тоже работает на обычном накопителе?

- Э-э... – я почесал затылок. И тут до меня дошла причина её странного поведения, так что я поспешил успокоить подругу. – Понял. Не переживай, Светик. Питание нашего «маяка» устроено по армейскому стандарту: с двойным дублированием питания и активной защитой.

- Но всё же, надо проверить, – настояла девушка. И я не стал ей перечить. Лучше пусть взглянет и успокоится...

- Проверим, – кивнул я. – После обеда?

- Сейчас, – мотнув головой так, что забранные в «конский хвост» длинные волосы хлестнули её по лицу, решительно произнесла Света.

Ну, сейчас так сейчас...

Массивный металлический сундук, в котором Грац и его помощники разместили своё устройство, был извлечён мною из шалаша, где он провалялся всё это время, играя роль эдакого столика для всяких мелочей. Вытащив агрегат, мы со Светой в четыре руки откинули многочисленные защёлки, запиравшие ящик, и, подняв довольно тяжёлую крышку, получили возможность полюбоваться не только ворохом металла, стекла и пластика, заполнявшим добрых три четверти объёма, но и занявшим оставшуюся четверть освинцованным коробом с тремя запертыми лючками, за которыми и должны были располагаться цилиндры накопителей.

- Открываем? – спросил я Свету. Та нервно кивнула и решительно щёлкнула замком. Лючок, за которым, судя по ярко жёлтой надписи на чёрном фоне, должен был находиться основной рабочий элемент питания устройства, откинулся в сторону, и цилиндр накопителя плавно выехал из гнезда. Осмотрев его со всех сторон, я демонстративно щёлкнул по встроенной в верхний торец накопителя стеклянной пластине, на которую выводились основные параметры элемента питания, в том числе и его заряд. И сейчас мы с подругой видели, что эти цифры вдруг стали расти, стремительно приближаясь к сотне процентов. Переглянувшись, мы загнали

цилиндр в его посадочное гнездо и, заперев лючок, дружно выдохнули.

- Работает, – расплылась в улыбке девушка.

- И теорию о самоподпитке накопителей в этом мире можно считать доказанной, – покивал я. – На этом хорошие новости, можно считать... закончились.

- А есть плохие? – всё с той же расслабленной улыбкой на лице лениво поинтересовалась Света. Кажется, после проверки работоспособности нашей надежды на возвращение девушку накрыл отходняк.

- Ну, если даже не считать поломку всех остальных приборов за плохую новость, мы с тобой лишились единственного имеющегося в нашем распоряжении оружия, – развёл я руками. – Конечно, у меня есть в запасе несколько опасных фокусов, но все они рассчитаны на столкновение с противником лицом к лицу… накоротке, так сказать. А без дистанционных средств поражения я, честно говоря, чувствую себя несколько неуютно.

- О... – Света встряхнулась. – А оно нам так уж нужно, оружие это? Вроде бы, мы столько времени провели в этом месте и никакой опасности здесь до сих пор не встретили.

- В нашей поездке в Сибай тоже не должно было быть никаких опасностей, – фыркнул я. – Но оружие мне всё же пригодилось. Так что, извини, солнечная... но я предпочту иметь в своём распоряжении средства защиты от чужаков, даже если никаких стычек с агрессорами в нашем с тобой нынеш-

нем «походе» не предполагается. Так спокойнее.

- Что ж, – Света чуть подумала и согласилась. – Тебе виднее. С оружием я дела не имела, поэтому и посоветовать по этому поводу ничего не могу. Но если тебе с ним комфортнее, спокойнее, то и возражать я тоже не стану. Погонишь двухвостого за новым пистолетом? К Старицким?

- К Старицким, да... – я задумчиво потёр подбородок. – Но не за пистолетом. Как мы выяснили, с незащищённым от внешних влияний кристаллом долго он здесь не проживёт. Защищённые же… я даже сомневаюсь, что кто-то где-то производит нечто подобное. Вряд ли прежде возникала необходимость в подобном оружии.

- Но ведь накопители в устройстве профессора защищены, – нахмурилась Света.

- Так оно и рассчитано на работу в запредельных условиях, в которых любое стрелковое оружие можно считать абсолютно бесполезным, – развёл я руками. – Впрочем, всё это лирика. А попрошу я у его сиятельства пару арбалетов с боевыми болтами. Надеюсь, он мне в такой малости не откажет.

- А почему не лук? – поинтересовалась подруга.

- Потому что с луком я обращаться не умею, а вот с арбалетом дело имел, и не единожды. Так что, в случае необходимости не опозорюсь, – объяснил я. – Да и тебя поднатаскать в использовании этой «игрушки» тоже смогу, что немаловажно.

Честно говоря, я ожидал, что Света примет идею обуче-

ния стрельбе из арбалета в штыки, но... нет. Ничего кроме уже хорошо знакомого любопытства в эмоциях подруги я так и не почувствовал. И это радовало. Меньше всего мне сейчас хотелось бы бороться с пацифистскими настроениями в нашей маленькой компании. Не та обстановочка вокруг, и не то у нас положение, чтобы отказываться от оружия.

Двухвостый принял новое задание с энтузиазмом. Он вообще большой любитель шастать за Кромкой, и не упускает возможности исчезать за ней при любом удобном случае. А уж если от таких походов ожидается какая-то польза «его двуногим»... в общем, котяра исчез в Запределье, едва схватив зубами накорябанную мною на колене записку.

Удивительно, но посылку от Старицкого мы получили уже следующим утром. То есть, меньше, чем через шесть часов по времени того мира, если наши подсчёты, конечно, не врут. Впрочем, примерно о такой же разнице временных потоков говорил и Грац в своем очередном послании. Всеслав Мекленович искренне обрадовался присланным ему материалам и даже осторожно согласился с нашей теорией о путешествии меж мирами. Более того, в своём ответном письме он с определённым энтузиазмом высказался о проводимых его группой работах над созданием пеленгатора для находящегося под нашим присмотром устройства. А уж как он возбудился от информации о причинах отказа присланных им приборов… Кажется, двухвостому предстоит ещё не один рейд в гости к Грацу. За один раз он просто не сможет притащить

всё то оборудование, которое профессор намеревался передать нам для работы. И на этот раз оно, разумеется, будет защищено так же, как и накопители в том самом железном ящике, что вновь служит журнальным столиком в нашем шалаше.

Но, вообще, должен заметить, что, несмотря на немалую нагрузку по научной части, фактически обещанную нам профессором, был в его послании и огромный плюс. То воодушевление, которым было наполнено присланное нам письмо, изрядно подняло настроение Свете, нет-нет да скатывавшейся в беспокойство по поводу нашего возвращения домой. И это не могло не радовать. Да и я сам, честно говоря, вздохнул свободнее, чувствуя поддержку и уверенность Всеслава Мекленовича в успехе нашего предприятия.

Арбалеты меня удивили. Я-то, отсылая свою просьбу Виталию Родионовичу, надеялся получить от него обычные поделки, каких полно в спортивных магазинах Хольмграда, мало чем отличающиеся от изделий моего прошлого мира. А получил... вполне боевое оружие. Мощное, компактное и… удивительно удобное. Военное прошлое этих машинок просматривалось настолько отчётливо, что у меня даже не возникло сомнений в совершенной бесполезности поиска таких вот игрушек в оружейных лавках Хольмграда. Не для охоты эти изделия, совсем не для охоты. Да и обычным воякам подобное вооружение ни к чему. А значит, князь Старицкий расщедрился и передал нам со Светой вещицы с каких-то

очень специальных складов, хранящих экипировку и вооружение для очень специальных бойцов.

Но самое главное, князь правильно понял, в чём наша проблема, а потому в присланных им устройствах не было и намёка на накопители. Зато короткие, но чрезвычайно толстые дуги арбалетов, сделанные не из металла, а из какого-то странного пластика, как и закреплённые на их оконцовках огромные эксцентрики, оказались «украшены» миниатюрными, почти незаметными руноставами. Сами по себе эти надписи ментальными конструктами не являются, и служат лишь якорями и интерпретаторами для волевого воздействия стрелка, формируемого им во время выстрела, а потому и накопителей руноставы не требуют. И уже одно только наличие этих надписей вызвало у меня некоторые догадки о том, откуда взялось это оружие. А уж когда я увидел идущие в комплекте с арбалетами болты, то последние сомнения в том, с чьих именно складов мы со Светой получили этот подарок, отпали.

Яговичи. Только они при всяком удобном и неудобном случае используют в своём вооружении и экипировке столь странный подход к ментальному манипулированию. Они не заставляют своих бойцов заучивать десятки и сотни боевых ментальных конструктов, зато тренируют в правильном, своевременном использовании руноставов, буквально испещряющих их одежду и оружие, и при должной сноровке такая экипировка превращает своих носителей в натураль-

ные машины смерти. Весьма затейливый, но, надо признать, довольно эффективный способ. Хотя без такой экипировки бойцы Яговичей в большинстве своём мало что представляют собой как боевые единицы. Нет, со временем, набравшись опыта, и они становятся весьма грозными воинами, в независимости от наличия руноставов на одежде и оружии. Но всё же, всё же… определённая однобокость подготовки сказывается. Уж я-то помню!

Но, надо признать, в нашем случае такие вот арбалеты – это лучший возможный вариант вооружения. Обычного-то порохового оружия в нашем со Светой мире днём с огнём не сыщешь. Не получило оно серьёзного распространения ввиду засилья взрыв-накопителей – многоразовых, лёгких в производстве кристаллов, выращивание которых было поставлено на поток ещё добрых три сотни лет назад. А как показала практика, здесь такое оружие бесполезно.

К тренировкам с арбалетом Света приступила без особого энтузиазма, но и увиливать от занятий не стала. Радует меня эта девушка. Есть слово «надо», а значит, все хотелки побоку. Впрочем, несмотря на добросовестное исполнение ею взятых на себя обязательств, это не помешало моей подруге вечером вволю поворчать на тему натруженных рук, ноющих мышц и общую усталость. Да, хоть оружие и снабжено руноставами, многократно облегчающими работу с ним, но и оно требует определённой сноровки в обращении, а той не достичь без тренировок. Попробуй-ка взвести реечный за-

твор сотню раз подряд, даже если усилие, необходимое для этого, не превышает полтора десятка килограммов! Понятное дело, что после такой тренировки руки будут просто-таки отваливаться.

В общем, к ворчанию Светы я отнёсся снисходительно и даже сделал ей лёгкий массаж плеч и предплечий, заодно напомнив об имеющемся в её распоряжении лекарском ментальном конструкте, специально предназначенном для таких случаев. Ему, вообще-то, всех старших школьников на уроках безопасности жизнедеятельности учат, как и кровеостанавливающим, фиксирующим и прочим приёмам первой помощи. Один из немногих полезных в плане ментального манипулирования уроков в школах, на мой взгляд. Даже в тех, что славятся своим уклоном в естествознание и философию.

Как бы мне ни хотелось как можно скорее натаскать Свету на обращение с арбалетом и тем самым дать ей дополнительный шанс на выживание в здешних диких условиях, пришлось прерываться на сбор данных для Граца, благо профессор сдержал обещание и прислал с двухвостым новые приборы-измерители, на этот раз исполненные в том же стиле, что и наш будущий «маяк». То есть, накопители в присланном оборудовании теперь были так же защищены от влияния здешнего инфополя, будучи спрятанными в освинцованные герметичные контейнеры, и мы могли не опасаться, что они выйдут из строя в самый неподходящий момент.

Так и потянулись наши каникулы. Утром – зарядка, умы-

вание и завтрак, после – работа с приборами, обед, небольшой отдых после него и тренировки с арбалетами и кое-какими ментальными конструктами из моей коллекции. Потом ужин и... иногда короткие прогулки по окрестностям. Пустым, надо заметить.

Вообще, чем дольше мы здесь находились, тем больше я подозревал, что в этом мире отсутствует разумная жизнь. По крайней мере, животные в округе вели себя достаточно беспечно, а радиосканер выдавал лишь треск и помехи в пустом эфире. Попытки прощупать инфополе на предмет наличия структурированных элементов тоже ни к чему не привели. Хотя тут, как и в случае с радио, была вероятность того, что мы просто находимся слишком далеко от обжитых мест.

Впрочем, я не расслаблялся, памятуя, что даже самая малая вероятность остаётся вероятностью, а значит, риск столкнуться с чем-то недружелюбным или агрессивным никто не отменял. И ведь оказался прав!

Этим утром я взвалил работу с приборами на плечи подруги, а сам отправился на очередную разведку округи. Подобные пробежки по окрестностям я проделывал регулярно, стараясь подмечать любые изменения в окружающей обстановке. Но если раньше, максимум, на что я натыкался, так это на результаты действий диких животных, порой весьма немалых, вроде кабанов, лосей или медведей, то в этот раз, спустившись вдоль ручья до холмов, в седловине меж которых пряталось то ли длинное озеро, то ли хитро изогну-

тая река, на самом берегу этого водоёма, усыпанном крупной галькой, я заметил какую-то возню. А вооружившись биноклем и присмотревшись к происходящему у уреза воды, тяжело вздохнул. Люди... Вокруг вытащенной на берег довольно большой деревянной лодки суетились пятеро мужчин. Бородатые, усатые... одетые в одинаковые чёрные штаны, заправленные в низкие кожаные сапоги, длиннополые серо-зелёные куртки, подпоясанные широченными поясами, в матерчатых, обрамлённых коротким, но густым мехом разноцветных шапках, они оживлённо о чём-то спорили, размахивая руками и указывая то в одну, то в другую сторону. Наконец, один из них резко махнул рукой сверху вниз, очевидно, рявкнув при этом на своих спутников. Те замерли, а предводитель ткнул двоих из спорщиков пальцем в грудь и вновь что-то рыкнул. Выбранные им спутники дружно покивали и полезли в лодку, из которой выбрались через несколько минут, уже будучи нагруженными оружием и какими-то котомками с перевязями. Прицепив к широким поясам сабли, бойцы вздели на себя сбрую с многочисленными висюльками, без шума поделили меж собой ружьё и топор и, закинув за спины котомки, уверенно пошли прочь от своих спутников, к счастью, в противоположную сторону от нашей со Светой стоянки. А оставшиеся, повинуясь приказам всё того же старшего, завозились вновь, занявшись обустройством лагеря.

Надо заметить, что пришельцы вели себя довольно беспечно, не проявляя особого беспокойства. Да, за окружаю-

щей обстановкой приглядывали, а в сторону небольшого леска, росшего на склоне одного из холмов, посматривали даже с некоторой опаской. Но вызвана она была лишь наличием медведицы с медвежатами, занятых сбором ягоды в диком малиннике, кусты которого заполонили опушку. Да гости даже караул не выставили! Нет, не ходят так по чужой земле. А значит, знают эти путешественники, что здесь им ничего не грозит... ну, кроме дикого зверья, понятное дело. Интересно.

Честно говоря, я уже и не ожидал увидеть людей в этом мире. И теперь, заметив гостей, ставших лагерем столь близко от нашего со Светой местообитания, даже немного расстроился. Насколько было бы проще, если бы их не было, эх!

И ведь не промолчишь об этом. Света должна узнать о возможной опасности непременно. Да и от Граца со Старицким сей факт лучше не утаивать. Есть у меня подозрение, что за такой кунштюк его сиятельство по головке не погладит. Информация об этом мире князю нужна достовернейшая, он не раз это подчёркивал в нашей переписке. И это понятно. Новый мир – это интересно не только как открытие столетия. Это же новые земли! И я не я буду, если он не планирует устроить сюда экспедицию. А то и... экспансию, чем чёрт не шутит, когда бог спит?

Впрочем, это уже не моего ума дело. Какой там гешефт хочет сделать Старицкий, и хочет ли вообще – дело десятое. А вот предупредить Свету о появлении в окрестностях чужих стоит как можно скорее. На всякий случай.

- Пятеро, говоришь, – подруга подхватила отложенный при моём приближении арбалет и, поднявшись на ноги, внимательно огляделась по сторонам. Ну, прямо амазонка! Куда деваться!

- Пятеро-пятеро, – кивнул я. – Вооружены саблями и примитивными ружьями. Встали лагерем за первым холмом, на берегу реки.

- Всё-таки, река, да? – перебила меня Света. В ответ я пожал плечами.

- У них там лодка. Большая, деревянная. Сомневаюсь, что она им вообще понадобилась бы, будь это озеро. Строить такую махину, если проще обойти водоём по берегу... вряд ли бы кто-то стал заниматься такой дурной работой.

- Рыбаки? – приподняла бровь подруга.

- Много ты видала рыбаков с ружьями и саблями? – фыркнул я.

- Не видала, – с улыбкой отозвалась Света. – Но я и солдат с саблями только на картинках видела. Так что, не аргумент.

- Согласен, – после небольшой паузы, кивнул я. – Но, будь они рыбаками, у них должна иметься какая-то снасть, а я хорошо рассмотрел их скарб и лодку в бинокль. Там даже завалящей удочки нет, не то что сетей или бредня. Зато есть вёсла, сложенная мачта и свёрнутый парус. Учитывая ширину предполагаемого озерца, парус здесь совсем ни к чему. Одних вёсел хватило бы, чтобы перебраться с того берега на наш за полчаса.

- Ладно-ладно, убедил, – замахала руками девушка. – Будем считать, что это солдаты, идущие по реке по какой-то своей надобности. Кстати, а почему ты решил, что они именно солдаты?

- Одежда и экипировка, – пожал я плечами. – Они все одинаково снаряжены, и даже куртки и штаны у них одного цвета. Отличаются только шапки, но это, думаю, можно не учитывать. Да и с оружием... понимаешь, солнце моё, только солдат потащится в лес за дровами с ружьём и в полной экипировке. Никакому охотнику или обычному путешественнику такое в голову не взбредёт. А солдат по-другому не поступит. По крайней мере, на виду у начальства.

- Почему? – не поняла Света.

- Потому что устав, – развёл я руками. Судя по взгляду подруги, мой ответ её не убедил, но спорить она не стала. И слава богу. Не хватало ещё придумывать, откуда я вообще осведомлён о военных уставах и особенностях поведения солдат. Всё же, поведать о своём истинном возрасте, как и о реальной истории моей жизни, я пока не решился. И, честно говоря, вряд ли рискну... ну, не в ближайшее время точно.

После недолгого обсуждения сложившейся ситуации, мы со Светой всё же решили не искать общества наших временных соседей и, по возможности, вообще не показываться им на глаза. Хотя подруга, кажется, была бы не против познакомиться с аборигенами, но всё же осторожность в ней возобладала над любопытством, и она отказалась от этой идеи,

даже не озвучив её. Но я-то чувствовал её эмоции, ха!

В общем, такой «подвиг» со стороны Светы заслуживал награды и... вечером подруга была осчастливлена огромной порцией мороженого, притащенного подговоренным мною двухвостым с кухни Старицких. Надеюсь, старика Сварта хватит родимчик, когда повар продемонстрирует ему опустошённый котярой холодильник!

Я искренне надеялся, что уже следующим утром не увижу наших гостей в устроенном ими лагере, но, увы. Мечтам моим не суждено было сбыться. Там, где я вчера оставил компанию из пятерых вояк, лодку и пустое кострище на необустроенном берегу, теперь располагался вполне себе приличный лагерь с уютно потрескивающим костром, кучей притащенных и уже наколотых дров, и даже с целой палаткой, явно сделанной из того самого паруса, что я видел сложенным в лодке. Стало ясно, что гости решили задержаться здесь надолго. По крайней мере, не на один день точно. Иначе зачем бы им обустраивать отхожую яму у самого подножия холма, в доброй полусотне метров от лагеря? Жаль, я так надеялся, что они передохнут ночку на берегу, да и отправятся в дальнейший путь.

К моему возвращению в лагерь Света как раз закончила возню с приборами Граца и теперь заполняла полученными данными присланный им формуляр. Очевидно, Всеславу Мекленовичу надоело вчитываться в прыгающие строчки наших записок, и он позаботился об общем удобстве, при-

слав вместе с очередным письмом целую кипу листов с отпечатанными на них таблицами, в ячейки которых мы теперь и вносили все получаемые с приборов сведения.

Поделившись с подругой своими наблюдениями и не встретив с её стороны никакой явной реакции, пожав плечами, принялся за приготовление обеда. На этот раз я не стал мучить Свету очередной кашей с тушёнкой, благо утащенное хвостатым содержимое холодильника в имении Старицких позволяло развернуться моему кулинарному таланту на полную. И ведь угодил!

Плов удался на славу. От его запаха, распространяющегося по нашей полянке, засуетился не только двухвостый, но и Света. Мне даже пришлось шикнуть на них, а то своей нетерпеливостью и предвкушением они просто сбивали меня с мысли. Но, вот, котелок снят с огня, на покрывале разложены тарелки-ложки, зелень и овощи. Водрузив на подставку котелок, я снял с него крышку, и...

- Глянь-ка, что тут у нас, Жук! А я думаю, что за леший меня морочит, духмяным запахом манит! – раздавшийся с дальней стороны полянки весёлый голос заставил меня тяжко вздохнуть. А ведь так хотелось пообедать спокойно!

Глава 4. Уважаемые гости, а не надоели ли вам хозяева...

О том, что в нашу сторону движутся гости из-за холмов, я, честно говоря, узнал ещё до того, как они, поднявшись вдоль ручья, вошли под сень леса, защищавшего наш бивак от чужих взглядов. Зря, что ли, я столько времени убил на изучение ментальных конструктов из коллекций Яговичей и Ростопчиных... ну, тех, что они соизволили раскрыть для меня. Первые – в силу полученного приказа, вторые – заглаживая, так сказать, «эксцесс исполнителя». Но вообще, и у тех, и у других в распоряжении оказалось немало всякого рода сигнализаций, рассчитанных на разные условия, время и место установки. Нашёлся конструкт, подходящий и для нашего окружения. Вот в него-то вторженцы и вляпались на полном ходу и даже не заметили этого.

Вообще, мы со Светой не особо-то старались скрывать следы своего пребывания в здешних местах. По большей части ввиду банальной бесполезности этого действа для любого мало-мальски опытного следопыта. Уж слишком много времени мы здесь провели, и понять, что исследующие местность вокруг собственного лагеря, воины рано или поздно наткнутся на наши следы, было несложно. Скрываться? Бежать и прятаться?

Ну-у... можно, конечно, но... смысл? Путешествующие по реке бойцы не то что не выглядят разбойничьей шайкой, они в силу сходства имеющегося оружия, снаряжения и одежды скорее походят на солдат регулярной армии. Каких-нибудь аркебузиров или мушкетёров... Учитывая же, что просто так, из любви к водным прогулкам, солдаты вёслами работать не будут, сам собой напрашивается вывод о наличии некоего приказа, заставившего их покинуть любимую казарму, погрузиться в лодку и отправится в путь далёкий. А такое сочетание факторов даёт весьма высокую вероятность того, что разменяться на стычки с каждым встречным-поперечным маленькому военному отряду не с руки. По крайней мере, именно такое впечатление у меня создалось после наблюдения за вознёй этой компании на берегу.

Нет, понятное дело, если они проявят в отношении нас со Светой явную агрессию, церемониться я не стану и легко устрою неприятелю хоть ремэйк хита восьмидесятых «Рэмбо в джунглях», хоть документалку о жизни пираний в условиях сибирской тайги. Но заранее настраиваться на боевое столкновение? На фиг, на фиг. Иногда проще договориться. Ну и да, банальный интерес к аборигенам этого мира тоже не стоит сбрасывать со счетов. А если контакт состоится... без фатальных последствий, то, думается мне, Грац со Старицким будут такому повороту только рады, что, в свою очередь, выгодно уже нам со Светой. Я не я буду, если по возвращении в Хольмград не стрясу с них соответствующую компен-

сацию и награду. Обязательно.

В общем, вывалившихся на нашу поляну молодых воинов мы встречали без всякой агрессии... хотя я не поленился отправить им за спину двухвостого, а Света явно держала наготове конструкт со своей росомахой. Ну и арбалеты, лежащие в расстёгнутых чехлах у наших ног, были взведены и готовы к бою.

Опасаться того, что выход молодцев из кустов был призван отвлечь наше внимание, чтобы дать возможность их коллегам напасть из какой-нибудь засады, в нашей ситуации не стоило. Пройти мимо установленной мною сигнализации незамеченными им было бы крайне тяжело. А без определённых навыков или устройств… я бы сказал, и вовсе невозможно. Но, ни того, ни другого у гостей не было. В этом мы с двухвостым были уверены. Ну, не чуяли мы от устроившихся на берегу воинов даже намёка на осознанное ментальное манипулирование. Да и прибор, регистрирующий искажения инфополя, в их присутствии ни разу не дёрнул стрелками... характерно.

А вот слова вывалившихся из кустов вояк заставили нас со Светой удивлённо переглянуться. Ну, не ожидали мы услышать здесь язык родных осин, берёз и прочих... дубов. Пусть чуть архаичный, пусть отличающийся каким-то странным акцентом, но абсолютно понятный и ничуть не искажённый русский язык! Вот уж чудо так чудо...

На удивление, знакомство с гостями прошло без проблем.

Пришедшие к нам в гости воины не стали изображать гопников на районе, несмотря на явный перевес в вооружении, а предпочли представиться первыми и попросить разрешения присесть к нашему «очагу». Так и сказали. Не «костру» или «огню», а именно очагу. Странно, но я отнёс это к разнице диалектов.

Представились в ответ и мы. Точнее, называть наши имена пришлось мне, поскольку Света вновь, как и во время нашего с ней знакомства в Ведерниковом юрте, предпочла отмалчиваться. Лишь приветственно кивнула гостям, когда я назвал её имя… и тут же юркнула в шалаш, чтобы спустя минуту вернуться на полянку с парой дополнительных мисок в руках. Ну да, не оставим же мы гостей наблюдать за нашей трапезой, глотая слюни?

Отказываться присоединиться к нам за обедом стрельцы не стали. А стоило нам взяться за ложки… По моим растрепанным патлам словно тёплый ветерок пронёсся, а судя по брошенному Светой взгляду, не я один почувствовал что-то… странное. И можно было бы предположить, что нам обоим показалось, да вот донёсшийся до нас треск прибора, регистрирующего изменения инфополя, доказывал обратное.

Привычно взвинтив восприятие, я попытался было прощупать взбурливший ментал, заодно сканируя действия молодых стрельцов, но... бесполезно. Волна прошла, будто её не было, а Никша и Вавила даже не дёрнулись, словно ни-

чего не почувствовали. А может… действительно не почувствовали? Если учесть напряжение здешнего инфополя, то можно предположить, что порог чувствительности у местных гораздо выше, чем у нас со Светой. Если они, конечно, вообще способны как-то взаимодействовать с инфополем, что совсем не обязательно. Достаточно вспомнить объяснения Старицкого по поводу нашего с ним прошлого мира...

Размышляя над происшедшим, я как-то увлёкся и, лишь краем глаза заметив, как младший из стрельцов потянулся грязной лапой в котелок с явным намерением прихватить оттуда кусок мяса в дополнение к наваленному в его миску плову, на автомате, как в далёком прошлом, треснул его ложкой по лбу. От души. Правда, Жук оказался на диво шустрым бойцом и почти успел уйти от удара. Почти. Металлическая ложка смачно впечаталась ему под глаз, и стрелец тихо охнул. А его напарник весело заржал.

- Поделом тебе, братец! Попомнишь теперь батькино ученье о вежестве, – сквозь смех выдавил из себя Вавила Вран. Никша смерил его взглядом исподлобья, но не выдержал, фыркнул и сам расхохотался в голос.

- Прости, купец, – отсмеявшись, повинился он. – Забылся я, не подумал, что не с десятком нашим трапезничаю.

- Никша – младший в команде, – «пояснил» его брат, но, не заметив понимания в наших со Светой глазах, развернул объяснение: – У нас принято, что младшему в десятке за тра-

пезой – первый кусок. Обычай такой.

- Понятно, – кивнул я в ответ и повернулся к Никше. – Извини, Жук, не знал. У нас иные обычаи. Не держи обиды.

- Да ну, прав братец. Батюшка нас вежеству к своим и чужим поконам сызмальства учил, а я вот забыл о том... сам виноват, – отмахнулся Жук.

- А ты шустёр, купцов сын, – неожиданно с уважением в голосе протянул Вавила. – У нас не всяк десятник движения Жука даже увидеть может. А уж упредить-то...

Да, стрельцам я представился сыном купца, отправленным отцом в испытание... вместе с невестой, ага. Ну, вот не пришло в голову ничего более обыденного. Да и как понять, что в здешнем обществе есть это самое «обыденное», когда мы кроме этих вот стрельцов здесь ещё никого не видели? А так… «легенда» не хуже прочих. Вырос сын купца, невесту за себя сговорил. Вот, прежде чем приставить сына к делу, отец и отправил того вместе с невестою в путешествие. Новые пути разведать, мир посмотреть да диковинки для грядущей торговли подобрать. Почему вдвоём и без охраны? Так испытание же.

- А ежели сгинули бы? – поинтересовался непосредственный Никша.

- Так, не единственный же я сын у батюшки, – развёл я руками. – Старший уже пятый год у него в учении, готовится семейное дело перенять, да младшие подрастают. Послушные и исполнительные.

- А родители невесты? – слюбопытничал Вавила, поглядывая на по-прежнему молчащую Свету. – Они не против были?

- А нет тех родителей, – вместо меня ответила подруга, не забыв стрельнуть в мою сторону недовольным взглядом. – Ероша меня вопреки воле своего батюшки сосватал.

- Поня-атно, – в один голос протянули стрельцы.

Ну да, ну да. Теперь они додумают историю о пошедшем поперёк воли отца юнце, отказавшемся жениться по указке и выбравшем себе невесту по собственному разумению. Отец, само собой, взъярился за такое неуважением и скандал, да и погнал сына со двора, лишив наследства и обставив это, как испытание. Ну, или выдумают ещё что-то эдакое, душещипательное. И чёрта с два потом кто-то сможет эту «легенду» размотать. Уверенного в своих умозаключениях человека довольно трудно заставить переменить мнение. Это ж, придётся признать, что он был не прав, а кто такое любит? Нет, если за дело возьмутся профи, тогда, да... могут быть проблемы. Но где их взять в здешней-то глуши?

В общем, несмотря на завиральность, наша со Светой история вполне зашла стрельцам, хотя и вызвала некоторое удивление, не без того, конечно. Если бы ещё подруга моя отнеслась к этой легенде полегче. Вот чего фырчит, спрашивается?

От размышлений меня оторвал Жук. Послеобеденный трёп этому живчику явно надоел, и теперь молодой стрелец

рвался «растрясти жирок».

- А что, говорят купцы не дураки кулаками помахать, – с эдакой деланной ленцой протянул Никша, с намёком поглядывая в мою сторону.

- Есть такие, – кивнул я в ответ, прекрасно понимая, к чему идёт дело.

- Так… может, смахнёмся? – прищурился Жук, поднимаясь с бревна и расстёгивая широкий боевой пояс. Я почесал кончик носа, бросил взгляд в сторону шалаша, где скрылась Света и... махнул рукой.

- А, давай! – поднимаясь на ноги, ответил Никше. Но тут же поспешил уточнить: – Правила?

- Оружия не брать, кулак не утяжелять. Кровь не пускать, под брюхо не бить. В висок и горло не метить… Упавшего не добивать, – протараторил вместо брата Вавила, подскакивая со своего места и, в свою очередь, расстёгивая пояс с саблей. Ну да, понятно, старший из братьев тоже не против размяться после сытного обеда. Тем более, что плов в наших желудках уже улёгся, а травяной взвар выхлебан до донышка.

Смахнулись. Сначала с Жуком, потом и с Враном. И если младший стрелец ничем особенным, кроме, разве что, действительно хорошей реакции и скорости, меня удивить не смог и был сначала легко взят на болевой, а потом и на лопатки уложен, чтоб уж точно не возмущался возможной «нечестностью» приёма, то с Вавилой пришлось повозиться. Резкий боец оказался. Удивительно техничный, с весьма

тяжёлым ударом и... какой-то запредельной устойчивостью. Влетевший «на дурака» удар в скулу едва заставил его покачнуться, даже на миг не смутив. Но... я справился, хотя и получил несколько о-очень ощутимых плюх. Бока мне Вран намял весьма и весьма основательно. Но и сам он поднимался с земли, кряхтя и потирая побитые места.

Никша, которому досталось куда меньше тумаков, попытался было затеять ещё и сабельный потешный бой, по его выражению. Но, во-первых, прозвучало это предложение уж очень неуверенным тоном, а во-вторых, его на корню зарубил старший брат, смерив Жука одним-единственным суровым взглядом. Да уж, с отбитыми-то рёбрами только саблей махать, конечно!

- Ты ведь специально это устроил? – тихо спросила Света, обрабатывая мои синяки мазью и тихонько помогая себе лекарским конструктом.

- Ну-у... да, – так же тихо ответил я. – Какой из меня фехтовальщик, сама подумай?

- Откуда я знаю. Ты же не рассказываешь ничего, – буркнула в ответ подруга, сворачивая аптечку. Обиделась. Точно. Только на что, кто бы подсказал?

Получив помощь от Светы, я помог стрельцам привести себя в порядок, заодно потратив на них часть наших запасов мази от синяков, после чего мы дружно решили наведаться в гости к их начальству. Сборы были недолгими, так что спустя полчаса наша компания уже топала вдоль ру-

чья, на встречу с полусотником Стояном Хлябей, давно заждавшимся своих подчинённых, отправленных им разведать местность добрых четыре часа тому назад.

* * *

Отправляя Никшу Жука и Вавилу Врана пробежаться по округе да посмотреть, нет ли поблизости какого жилья или обжитой охотничьей стоянки, полусотник Стоян и думать не думал, что шебутные братья и в самом деле найдут в этой глухомани каких-никаких людей. Делом хотел занять бузотёров, вот и отправил разведать округу. Всё лучше, чем терпеть очередную их шкоду, на которую молодые стрельцы всегда были горазды. Через что, собственно, и угодили в дальний острог на Бие.

А вот неча было шутить над похмельным полуполковником. Тот пусть и приходится братьям родным дядькой, но терпеть поношение боярской чести не стал. Всыпал горячих затейникам, да и сплавил их на две зимы в дальний острог. Да только братьям это наказание было, что с гуся вода. Как чудили, так и чудят. Ума не прибавили... Ну а полусотнику Стояну куда деваться? Его малый острог, принявший наглецов на кошт – последний на реке, дальше ссылать неугомонных родственничков боярина Сколского попросту некуда. Ниже Ловгайское озеро, а по другую сторону Бии земли местных самских племён, с которыми ни войны, ни мира.

Нет, будь у полусотника под рукой людишек поболе, за-

слал бы команду в речное устье, да и братьёв неугомонных туда же сплавил бы на строительство нового острожка, пусть там свои шутки шутят да народ баламутят. Но... нет у Стояна людей. Нету. В прошлый год боярин Сколский большую часть стрельцов с подчинённых ему Бийских острогов собрал да увёл в помощь новому воеводе, устроившему по глупости да незнанию замятню с верхневодскими самами. А вернул потом едва десяток из трёх взятых. Эх, а ведь были планы. Были! Кабы не тот неудачный поход, ныне имелось бы у Стояна два острога под рукой вместо одного, а это уже сотская должность. Да что должность! Государь милостив, за возведение крепостиц за Старым Камнем, пусть и малых, жалует не только чинами, но и деньгой... да помимо освобождения от тягла. А это... Эх!

Да что далеко ходить? Вон, боярин Сколский, полуполковник стрелецкий. Давно ли его сам Стоян по имени звал да с одного котелка с ним кулеш в походах ел? А, поди ж ты, выслужился Ермил, возвёл пять острожков в среднем течении Бии, и из полусотников до полуполковника за семь тучных лет и поднялся. Всё нижнее пограничье под его рукой. А не будь той истории с воеводой, поди, уж и за реку стрелецкие команды наладил бы...

Сплюнув, полусотник Стоян по прозвищу Хлябя вытряхнул из головы несвоевременные мысли-сожаления и, поднявшись на ноги, двинулся навстречу идущим вдоль ручья весело гогочущим братьям, следом за которыми шла весьма

странная пара незнакомцев. Точнее, незнакомец и незнакомка. Молодые, почти юные. И всё бы ничего, если бы... Ну, то, что стрельцы идут впереди чужаков, беспечно подставив им бездоспешные спины, ещё как-то понять можно, хотя и заслуживает трёпки! Ой, как заслуживает. Ну да ладно, то дело грядущее, тем более, что оружия в руках или на поясах гостей не видать, если не считать коротких рабочих ножей в ножнах с застёжками.

Фингалы у братьёв, у Никши под левым, а у Вавилы под правым глазом, тоже дело привычное. Либо сами друг другу поставили, либо от парня при знакомстве схлопотали... что хуже, но тоже понятно. Жук да Вран кого угодно до рукоприкладства довести могут. В шутку, ага. Интереснее другое. Не похожи чужаки на местных жителей. Ни одеждой полотняной да тканой, в противовес привычной тем же самам коже да мехам, ни обликом. Светловолосы и светлоглазы, какими ни самы, ни кайсаки не бывают, но и словене их за своих не примут. Уж слишком черты лица у гостей тонки... Точёны, можно сказать, как у фрязей. Но те, обычно, либо горбоносы и темноволосы, либо, ежели и светлы волосом, то больше в каштанов цвет... а то и вовсе ржою на головах полыхают. Впрочем, и среди последних, круглых, усыпанных россыпями веснушек лиц, пожалуй, поболе будет.

Чем ближе подходили гости, тем больше странностей подмечал в них полусотник. Тканая одежда их оказалась непростой. Сложного, а значит, дорогого кроя, но без вышивки и

мало-мальских украшений. Неярких цветов, что для дорогой одежды и вовсе необычно. А уж обувь... Остановив на миг взгляд на обувке чужаков, Стоян против воли залип.

Высокие, на толстой подошве, сшитые явно по мерке из крепчайшей даже на вид великолепно выделанной кожи, высоко шнурованные сапоги гостей не могли похвастаться даже намёком на тиснение или иное какое украшение, но прочная и чрезвычайно мелкая двойная строчка и небывало аккуратная подгонка деталей выдавали немалую стоимость обувки. Такую, пожалуй, и воевода не враз себе позволить сможет...

Намётанный глаз полусотника выхватывал одну несуразность гостей за другой. И каждая из них приводила опытного стрельца во всё большее и большее замешательство. Чего стоит только заплечный мешок за спиной молодого парня. Необычная ткань, множество ремешков и защёлок, сделанных не из дерева или металла, а из чего-то, чему Стоян и названия-то не знал. Длинные чехлы, притороченные у юноши к мешку, а у девушки за спиной, тоже казались необычными. Как формой, так и видом. Да и материал, из которого они были сделаны, напоминал тот, из которого был сшит заплечник юноши. Поначалу-то полусотник вовсе подумал было, что в этих чехлах гости хранят что-то вроде лютен, но... слишком плоскими те были. Впрочем, кто знает, какие на свете бывают лютни? Может и такие вот где-то своим перезвоном людей радуют.

На фоне всех этих странностей, одетая по-мужски девица,

державшаяся за плечом своего спутника, словно привязанная, смотрелась почти обыденно. Ну и... в самом деле, не в юбках же ей было по лесу сутками ходить, верно?

Как бы ни был удивлён происходящим Стоян, но, заметив возвращающихся вдоль ручья стрельцов с гостями, приказ о готовности оставшимся на хозяйстве подчинённым отдал сразу. Так что к моменту, когда Жук и Вран подвели чужаков к лагерю, опытные воины, выслужившие по Бийским острогам по два-три длинных ряда, уже давно были настороже и готовы к любому повороту дела.

Но обошлось. Не выскочили из-за камней идущие в наход самские воины, решившие поживиться оружием и скарбом стрельцов, не засвистели в воздухе тяжёлые стрелы, посланные короткими тугими луками лесных охотников. Песчано-каменистый берег Биянки оставался тих и безмятежен. И только смешки неугомонных братьев Сколских да редкий плеск рыбы в реке нарушал разлившийся вокруг послеобеденный покой. Хлоп!

Ну и звон комарья, да. Стоян размазал по шее прибитого ударом ладони кровопийцу и поманил братьев, дескать, подходите уже.

- Ну, вещайте, барагозы, – с усталым вздохом велел полусотник, не преминув смерить недовольным взглядом чуть примолкших стрельцов, а паче того, висящие за их спинами замками кверху ружья. Разряженные, вестимо. Иначе бы братья их из рук не выпустили, чтоб огненное зелье с полок

не просыпалось. И Сколские то поняли. Стёрли ухмылки с едва покрытых щетиной морд. Нахмурились.

- Вот, Стоян Смеянович, соседей встретили. Они в леске, что за холмом, лагерем стоят, – нервно облизнув губы, заговорил Вран как старший. С вежеством, но... а, да все они, Сколские, такие! – Они нас кайсацкой кашей угостили, ну а мы их в гости позвали… то есть, чтоб представились нашему командиру.

- Чтоб представились, значит, – протянул Стоян. – Командиру, значит... Ну-ну. Они по нашему-то понимают?

- И говорят не хуже, – подал голос Жук, за что тут же получил от брата выразительный и о-очень многообещающий взгляд. Тем суровее, что сверкал глазом Вавила через уже набрякший синевой внушительный фингал.

- Славно, – сделав вид, что не заметил кривляния старшего из братьев, кивнул полусотник и перевёл взгляд на чужаков. – Что ж, здравствовать вам, люди добрые. Будьте гостями у нашего очага.

- И вам здоровья. Благодарю за приглашение, господин... – с незнакомым выговором ответил на приветствие молодой парень, глянув чуть исподлобья на командира стрельцов, и сделал выразительную паузу.

- Полусотник Первого Бийского стрелецкого полка, боярич Стоян Рушин по прозвищу Хлябя, – прекрасно понял посыл незнакомца Стоян.

- Купеческий сын Ерофей Хабаров, к вашим услугам, гос-

подин полусотник, – коротко поклонился в ответ гость и, положив руку на плечо спутнице, договорил, мимоходом зыркнув на братьев Сколских: – Моя невеста, Светлана Багалей.

Девушка в свою очередь на миг склонила голову, но не промолвила и слова. Гордая. А вот братья-стрельцы под взглядом гостя переглянулись и вздохнули. Хех, а не в том ли причина появления у них фингалов?

С представлением гостей напряжение, витавшее в воздухе, несколько спало, а когда те разделили со вставшими лагерем стрельцами хлеб, от настороженности и вовсе не осталось и следа. Нет, конечно, Стоян не был настолько беспечен, чтобы перестать вовсе следить за происходящим вокруг, да и бойцы его тоже были стрелянными воробьями и осторожности не теряли. Но... одно дело – сторожиться незнакомца, встреченного в пути, и совсем другое – общение с тем, кто преломил с тобой хлеб. Конечно, вероломство никто не отменял, но рушителю покона добра его подлость не принесёт. А вот злом отзовётся, обязательно. Покон же, а не человечий закон, что от народа к народу и от времени до времени меняется вплоть до полнейшей своей противоположности!

Надо сказать, представившийся купцом молодой мужчина, как и его молчаливая невеста, произвели на Стояна неплохое впечатление. Смотрели открыто, лишним не интересовались, да и в ответах на расспросы полусотника сам Ерофей не юлил, хотя, конечно, кое-что не договаривал... но тут уж купеческие привычки не переломить. У этого племе-

ни, говорят, слово – серебро, а молчание – золото. Так что ничего плохого в умолчаниях купца полусотник не видел. Сам же купец оказался любопытен и жаден до знаний, что тоже не удивляло. Видно же, что пришли гости издалека, да такого, что прежде в сих местах их соплеменников и не встречали. Вот и интересуются чужеземцы здешним укладом и законом, обычаями и особенностями.

- Там на западе, в двух днях пути отсюда, вот эта речка, прозванная местными Биянкой, впадает в Бий, – рассказывал полусотник, вычерчивая прутиком на песке кривоватые, но вполне понятные кроки. – То большая река, протекает с полночи на полдень. Естественная граница меж Словенью и самской землёй. Ранее граница велась по горам Старого Камня, теперь же её держат бийские остроги. С юга, за Ловгайским озером, лежат кайсацкие степи. Торгуем с ними, как и с самами, но больше и спокойнее. У самов-то племена разрозненные, невеликие, да каждое при своём нойне, а то и не одном. Потому и выходит: с одним племенем торгуем, с другим ратимся, а с третьим и вовсе, то так, то сяк, то наперекосяк. А вот кайсаки уже давно всех своих байи к единому закону привели под властью хана, и с тех пор войн больших меж нами не было... Зато торговля меж кайсаками и Словенью теперь идёт бойкая. Особенно с подкаменным воеводством, на западном берегу Ловгая. Далековато, конечно, от наших острогов, но хоть так...

- Так вы, полагаю, в поисках обхода того озера по Биянке

поднимаетесь? – выслушав Стояна, спросил Ерофей. Полусотник усмехнулся.

- Верно, – кивнул он. – От Бийска до Авликолья – две седмицы конного пути... или месяц водой, сначала по Бию, а потом и по Ловгаю вдоль берега. Вот и подумалось нашим полковникам, что можно попробовать обогнуть сие озеро через восходные земли. Глядишь, сыщется место для торга поближе да поудобнее, чем нынешний.

- А что мешает вести торговлю с кайсаками через озеро? – прищурился Ерофей. – Пусть сами они степняки, но словенцы-то, поди, в строительстве судов да в речной торговле поднаторели, нет? Вон, какой ладный струг у вас имеется. Значит, знаний и опыта хватает. Так чего ж не построите торговый флот на озере, и не ходите на нём в гости к степнякам?

- Построить можно, и даже кормчих для него найти нетрудно, хоть и говорят, что Ловгайское озеро коварно. Но как товар на нём доставлять? Боится степная живность Ловгая, – почти искренне вздохнул полусотник. – Что овцы, что лошади крайне скверно переносят даже речной путь. А они – первый товар, что кайсаки гонят в Авликолье. И товар ценный, надо заметить.

Признаться честно, в своих объяснениях Хлябя несколько лукавил. Нет-нет, никакого обмана, просто... ну не было у Стояна никакого приказа на исследование восходных берегов Ловгая. Зато была здоровая тяга к хорошей жизни, а устроить её он мог, лишь имея высокий чин. Не меньше по-

луполковника! Но из-за прошлогоднего провала подкаменского воеводы, лишившего его людей, которых в здешних местах днём с огнём не найдёшь, полусотник лишился и надежды на скорый карьерный рост. Нет достаточно людей в подчинении, некому строить новые острожки и приводить земли под руку государеву, а значит, не видать Стояну и должности полуполковника.

Вот тогда-то, ломая голову над решением сей задачи, и придумал он, как поправить свои дела и добиться-таки вожделенного чина. Всего-то и надо пробить дорогу от бийских острогов напрямую к кайсакам через восходные земли за Ловгаем. А кто сядет на устроенный торговый тракт, тот точно не останется без прибыли, людей и... новых должностей. Эта идея, пожалуй, была даже получше строительства малых острожков вниз по Бие. Вот и отправился полусотник в разведку, взяв с собой лишь четвёрку самых верных и сильных бойцов из своего личного десятка. Опасно? Так здесь самские земли, они вообще опасны. Что ж теперь, страдать и вешаться, что ли?

Нет, будь его воля, взял бы и больше людей, но... если бы они у него были! Нужно ведь и в остроге достаточно стрельцов держать, не то, не дай светлые, навалятся очередные самы-находники, пожгут всё, до чего дотянутся, а самому Стояну потом придётся отстраивать крепостицу заново... и как бы не в чине обычного стрельца. Разжалует же полковник за оставление острога без присмотра. Как пить дать, разжалует.

Эх!

За беседой стрельцы и их гости и не заметили, как подкрался вечер, и на воду Биянки опустились сумерки. Но, полыхнул ярким пламенем костёр, и сгустившаяся, уже скрывающая пологие бока холмов темнота вдруг отпрянула на миг, чтобы тут же вновь укрыть их собой, окончательно превращая вечер в ночь.

- Что ж, рад был знакомству с честной компанией, – поднялся на ноги гость, а следом встала с чурбачка и его спутница, – Но, пора нам прощаться. Время позднее, а дел и у вас, и у нас завтра, думается, предстоит ещё много, а?

- Согласен, – вслед за гостем и его невестой поднялся на ноги и Стоян. Протянул руку для традиционного рукопожатия... и тут же полетел кубарем наземь, увлекаемый движением гостя, успевшего заодно уронить на землю и свою невесту. А точно там, где только что стоял полусотник, пронеслась тяжёлая стрела и вонзилась в борт лодки. «Самская», успел отметить тот и заорал, даже не успев подняться на ноги.

- Туши костёр!

Вторая стрела не успела ударить в цель, как огонь погас, словно по мановению руки, и лагерь погрузился в непроглядный мрак.

Глава 5. Ночь короче дня, но утро всегда...

Искажение волховского Полога Покоя, как называл его дед Богдан, установленного мною на подходе к лагерю стрельцов, бросило меня на землю едва ли не раньше, чем я сообразил, что именно происходит в темноте, окутывающей каменистые холмы. Но вонзившаяся в «скулу» вытащенной на берег лодки, стрела расставила все точки над «ё». Потом уже был истошный крик уроненного мною полусотника, метания его стрельцов, шипение ошпаренных взваром из перевёрнутого котелка углей костра, и тихий, но отчётливый, сдавленный мат Светланы, приземлившейся аккурат на меня.

Провести ладонью перед глазами подруги, напитывая собственной волей старый наговор, повторить ту же операцию с самим собой… и вот уже ночная мгла, окутавшая лагерь, отступает, превращаясь в чёрно-белую, но весьма чёткую картинку. «Кошачий глаз» – не самый лучший вариант для тех же штурмовиков Яговичей, но в нашей ситуации он оказался идеален. Дикий берег же, а не город! Ночь, никаких фонарей, прожекторов и свечения окон поблизости. Даже костёр погас, а значит, неожиданной засветки, способной временно ослепить заговорённого, нам можно не опасаться.

- Арбалет в руку и отползай под борт лодки. Прикроешь мне спину, – тихо произнёс я, подталкивая разлёгшуюся на мне Свету. Девушка сверкнула глазами, но спорить не стала и, ящеркой соскользнув с моей груди, поползла под защиту плавсредства, чёрной скалой возвышающегося над молочно-белой гладью воды. И арбалет прихватить не забыла. Вот и славно. Ну а мы... повоюем.

Чехол с моим собственным оружием послушно раззявил «пасть», и выхваченный из него самострел с колчаном словно сами прыгнули в руки. Воля цепляется за острые и колкие руноставы на ложе, дугах и эксцентриках, наполняя их силой. И тут же тихо, почти неслышно трещит взводящая тетиву рейка, отзываясь ощутимой вибрацией в предплечьях. Тяжёлый болт занимает своё место меж направляющих... К бою готов.

- Стоян, вам тоже след за лодкой укрыться. Там к вам точно незамеченным никто не подберётся, да и с пищалями управляться будет сподручнее, – окликнул я отгребающего куда-то в сторону полусотника. Тот что-то пробурчал, но...

- Стрельцы, исполнять, – прорычал он в голос, и тут же над его головой свистнула ещё одна стрела. О как! А ведь полог я бросил метрах в сорока от берега. Либо у стрелка в темноте совершенно уникальный слух, либо…

Шевеление у каменной осыпи заставило меня отвлечься от размышлений. Арбалет мгновенно упёрся прикладом в плечо, а руки привычно навели оружие на цель. Вдох-вы-

ыдох… Палец плавно нажал на спусковой крючок, и тетива с лёгким фырком послала тяжёлый болт в поднявшуюся над валунами фигуру, уже успевшую вновь натянуть короткий и явно тугой лук. А вот выстрелить из него противник уже не сумел. Миг, и снесённое болтом тело сломанной куклой рухнуло наземь, ударившись об один из служивших ему укрытием валунов, и кубарем полетело вниз по осыпи, увлекая за собой мелкие камни и щебень. Один готов, но что-то мне говорит, что опасность ещё не миновала. Сознание снова словно ершом кольнули испещрившие оружие руноставы, жадно впитывающие поток моей силы. И вновь ложится в направляющие боевой болт с трёхгранным жалом.

Тихий, еле слышный хлопок тетивы о гасители Светиного арбалета говорит, что я не ошибся. Краем глаза отмечаю судорожные дёрганья какой-то тени за ручьём, но тут же отвлекаюсь на вспышку пламени справа. Хорошо, что до неё метров шестьдесят, не меньше. Иначе ослеп бы минут на пять. А в боевой обстановке это смерть.

Бью на вспышку и, спустя секунду, на её месте огонь вдруг вздымается эдаким гигантским факелом и под короткий предсмертный вскрик подожжённого моим удачным выстрелом нападавшего превращается в ровно горящий костёр... Ну, зато не мучился, хм.

Меня передёргивает. И тут же воздух над рекой разрывает грохот ружейной пальбы. Это добравшиеся до лодки стрельцы наконец раскочегарили свою артиллерию и теперь палят

в темноту, что называется, в белый свет, как в копеечку... А, нет! Удивительно, но именно после залпа двух стрельцов я слышу полный боли вой со стороны нападающих. В кого-то бойцы полусотника всё-таки попали... Вновь слышу хлопок тетивы, и вой раненого захлёбывается. И опять бьют пищали. На этот раз палят Никша и Вавила. И ведь тоже не промахиваются! Может, и у них что-то вроде наговора ночного зрения имеется?

Эхо выстрелов стихает, и над рекой повисает тяжёлая, нервная тишина. Минуту мы прислушиваемся к ней, а кое-кто и всматривается в резкие тени и силуэты, расчертившие пейзаж, видимый «Кошачьим глазом». Но никакого шевеления со стороны напавших не наблюдается. Тихо, как в гробу. Ненадолго. Очухавшийся от скоротечного боя, полусотник разразился приказами, и стрельцы, покинув укрытие, отправились на разведку... и сбор трофеев.

- Стоян Смеянович, а ты уверен, что это безопасно? Вдруг там ещё десяток татей за камнями таится? –спросил я, обнимая прижавшуюся ко мне подругу. В ответ полусотник хмыкнул и, выудив из-за пазухи кафтана деревянный медальон на толстом шнурке-гайтане, продемонстрировал его нам. Не понял...

- Этот оберег мне когда-то матушка дала. Ежели рядом оказывается кто-то, желающий зла, он теплеет. На расстоянии, правда, действует куда хуже, о надвигающейся опасности предупредить не может, но в бою так же теплеет, а едва

тот минует, сразу остывает, – объяснил Стоян, подбрасывая на ладони невзрачный деревянный кругляш с выжженным на нём рисунком... рассмотреть который мне, к сожалению, не удалось.

- Интересная вещица, полезная, – я уважительно покачал головой, но увидевший мой интерес к оберегу, полусотник понял его по-своему.

- Э, нет, купец, такое запросто не купишь, так что о торговле можешь и не думать, – отозвался он и пояснил: – Наши обереги ладятся только для близких. Для родни и друзей... Но дарить их, продавать, красть или с мёртвых сымать бессмысленно. Силу в чужих руках они теряют сразу и навсегда.

- Понимаю, – я вздохнул. Ну да, было бы странно ожидать, что при такой насыщенности и даже агрессивности инфополя здешние обитатели пошли по чисто техническому пути развития, не сумев приспособить «халявную» силу для своих целей. Хотя-а, если вспомнить мою «историческую родину» и теории князя сотоварищи... Эх.

- А вот о торговле самострелами, вроде ваших с невестой, я бы на твоём месте поразмыслил основательно, – заметил Стоян. – Уж больно ладные они. А ежели ещё и дешевле огнебоя окажутся, так острожные воеводы их с удовольствием покупать станут. Уж поверь.

- Что так? – поинтересовался я. – Ваши пищали-то бьют куда как дальше.

- Оно так, – вздохнул полусотник. – Но у них своих тяго-

стей хватает. Припас дорог, свинец для дроба и пуль тоже недёшев. Своих пороховых мельниц на Бие нет и в помине, острожникам запрещено их возведение государевым указом. А свинца здесь, сколько ни лазали по холмам да лесам царёвы розмыслы, так и не сыскали. Приходится припас из-за Старого Камня возить. А это долгонько, знаешь ли. Да и не всегда удобны пищали в здешних местах. Сам же видел, как воевать приходится. Одно дело – на стене стоять да в идущего на приступ врага палить или в чистом поле, как водится, грудь в грудь с ним сойтись. А в здешних лесах? Пока снарядишь пищаль да к выстрелу изготовишься, самы, в засадах хоронящиеся, глядишь, уже десяток стрельцов из луков положили.

- Так почему бы вам самим луками не вооружиться? – спросил я, поглаживая по плечам Свету, кажется, с каждой секундой старавшуюся вжаться в меня всё сильнее.

- А кто из них стрелять умеет-то? – отмахнулся Стоян. – Дети боярские, разве что. Так они в стрельцах птицы редкие. А бояре да помещики, что с меча живут, в наши полки не рвутся даже полковниками. Как же, урон чести! Невместно им, видите ли, зелёный кафтан носить да с пищалью в бой пешцами ходить. Эх! Ладно, купец, отдыхайте покамест. А я, вон, со стрельцами своими побеседую. Узнаю, кто там на нас наскочить пытался.

Оставив нас со Светой у вновь разожжённого костра, Стоян направился к приближающимся со стороны ручья под-

ручным, а мы... я уселся на бревно и посадил всё чаще вздрагивающую подругу к себе на колени, одновременно подивившись такту полусотника, заметившего ухудшение состояния Светы и поспешившего удалиться прочь, чтобы не ставить её в неудобное положение. А может, просто от девичьих слёз сбежал? За нами, мужиками, такое водится, хм.

Менталист из меня, конечно, как из говна пуля. Не любят в мире Хольмграда эту братию, и обучаться приёмам мозгокрутов мне было просто не у кого, если не считать того же Переплутова волхва, но он тоже не спешил делиться этой премудростью. Зато с эмпатией всё в порядке, да и... помнится, для создания «часов уютного времени» мне и вовсе никакие знания в менталистике не понадобились. Ладно, попробуем... получилось с математической моделью, должно получиться и с волевым посылом.

Обволакивая своей волей переставшую сдерживать эмоции Свету, стараясь транслировать ей лишь спокойствие и умиротворение, я крепко обнял тихо всхлипывающую девушку и принялся укачивать её, словно маленькую, бормоча на ушко всякие благоглупости. Наговор не наговор, но в результате, спустя несколько минут, Свету перестало трясти от осознания совершённого убийства и запоздалого страха, ещё через минуту прекратились всхлипы и плач, а к моменту возвращения полусотника к костру подруга уже сладко посапывала во сне, уткнувшись носиком мне в шею.

Увидев эту картинку, Стоян Смеянович приподнял бровь,

но более ничем своего удивления не выдал. Покрутив головой, старший отряда стрельцов порылся в лежащем за бревном мешке и, выудив из него мягкое лоскутное одеяло, молча расстелил его на уцелевшей и не размётанной во время недавнего боя лежанке из лапника. Молча.

Я благодарно кивнул полусотнику, одним коротким посылом углубил сон девушки, чтоб не проснулась во время «переселения», и, уложив её на лежанку, укрыл свободным краем одеяла. Полюбовавшись на сладко спящую Свету, я поправил упавший на её лицо локон и, поднявшись с колен, обратил своё внимание на замершего в ожидании полусотника.

- Любишь ты её, купец, ой, любишь, – тихо прошептал он.

- Есть такое дело, – честно признался я, даже не стараясь понижать тон. А в ответ на вопросительный взгляд заметившего это обстоятельство Стояна, улыбнулся: – не тебя одного матушка оберегами одаривала. Не проснётся Светлана ещё часов пять, не меньше.

- Ясно, – ухмыльнулся полусотник, но, тряхнув головой, посерьёзнел, – Идём-ка, Ерофей, глянем, кого мои стрельцы из-за камней притащили и что мы можем с тех татей взять... и как то взятое поделим.

Честно говоря, слушая рассказы наших новых знакомых о самах, я представлял себе обитателей здешних лесов и холмов несколько иначе… Они мне, почему-то, представлялись... вроде якутов, что ли? Ошибся.

Чертами лиц, да и фигурами, нападавшие ничуть не отли-

чались от того же Никши или Вавилы. Разве что волос темнее да глаза у нападавших оказались карие. Вот и все различия. Ни тебе ярко выраженных, но плоских скул, ни характерного разреза глаз... Обычные европеоиды. Вот одежда, да... одежда татей отличалась от нарядов стрельцов сильно. И прежде всего, бросалось в глаза почти полное отсутствие ткани. Сапоги, штаны, куртки с капюшонами и даже рубахи – всё было выделано из кожи. На сапогах – погрубее, с толстой кожаной же подошвой. На штанах и куртках – помягче. Но куртки ещё и мехом подбиты. А самая мягкая, тонко выделанная кожа пошла на рубахи. Красивые, надо заметить. Украшенные затейливой вышивкой по вороту, рукавам и подолу, явно сшитые с особым тщанием и старанием, они хоть и были явными самоделками, как, впрочем, и остальная одёжда самов, но качество... М-да. Может быть, с тканью жители здешних лесов и не дружат, но кожу выделывать умеют. И ещё как!

- Что, глянулись рубахи? – усмехнулся Стоян, заметив мой интерес. – Коли доберёшься до Бия, купец, сможешь на торгу прикупить себе не хуже, разве что без вышивки.

- А если с вышивкой? – поддерживая «легенду» купца, спросил я. Полусотник покачал головой.

- Не найдёшь. Это родовые меты, их жёны самов мужьям вышивают, каждая свою. По ним можно и род сама узнать, и кем он в нём является. Охотником там, воином или лекарем, кто его жена и из какого рода вышла, есть ли дети-вну-

ки... Украшенные рубахи продавать у них не принято, нойны родов на нарушителей этого обычая шибко серчают. Как на продавца, так и на покупателя. Но ежели незадачливый сам, позарившийся на доброе железо или словенские деньги, отделается штрафом, то покупателя могут и прибить. По покону.

Понятно. Эдакий паспорт получается. Стоп.

- А ты, господин полусотник, умеешь эти вышивки читать? – спросил я.

- Нет, – отозвался Стоян и, сделав паузу, договорил, ткнув пальцем в стоящего рядом старшего из своих подчинённых: – А вот Медок умеет. Но, то лучше при свете дня делать. Сам видишь, вышивка уж больно мелкая, а в ней ведь чуть ли не каждый завиток свой смысл имеет. Так что отложим этот вопрос до утра, а сейчас... давайте-ка, други, глянем, что там в калитах у наших находничков.

- Согласен, – кивнул я под одобрительный гул собравшихся вокруг нас стрельцов Стояна. Ну да, как минимум, половину убитых в этой ночной стычке обеспечили мы со Светой. Так что... в общем, вежливость полусотника понятна.

Первым на расстеленную тряпицу из запасов того самого стрельца с забавным прозвищем «Медок», легло оружие самов. Отдельной кучкой – короткие «рабочие» ножи, которыми сподручно и деревяшку какую заточить, и шмат мяса отхватить, и шкуру со зверя снять. Рядом напарник Медка по кличке Ослоп выложил «тёсы» находников, похожие на

короткие тесаки с широким тяжёлым клинком и простой перекладиной вместо гарды. Таким не только противника, но и дерево срубить можно... Удобная штука в здешних лесах. Ухватистая, поворотистая. Но тяжеловата, да. А вот луки самов оказались, напротив, лёгкими, хотя и весьма-весьма тугими. Составные, усиленные роговыми накладками, короткие, по размеру и форме они походили на так называемые «скифские» луки. Да и стрелы, найденные в колчанах самов, оказались непростыми. Неизвестный мастер явно потратил немало времени сначала на подбор древесины, а после и на её обработку, превращая окорённые ветви в единообразные, как по виду, так и по весу, древки стрел, на которые впоследствии насадил боевые наконечники.

- Не охотничьи, – внимательно рассмотрев жала вытащенных из колчана стрел, проговорил Ослоп.

- Так ведь и самы эти явно не на охоту вышли, – усмехнулся Жук.

- То-то и оно, – задумчиво протянул полусотник под недоумённым взглядом самого младшего стрельца. Но объяснять ничего не стал, лишь кивнул всё тому же Ослопу, чтобы вытряхивал содержимое сумок мёртвых самов на вторую тряпицу.

- Сушина[3], травы для взвара, вервь для ловушек, – пере-

[3] Суши́на – здесь, высушенное специальным образом мясо или рыба, используемые местными жителями в качестве походной еды. Годится в пищу как в естественном виде, так и в качестве питательной основы для горячего, будь то уха, каша или похлёбка.

бирая и время от времени разворачивая то один, то другой свёрток, комментировал извлекаемые из сумок вещи стрелец. – Ещё сушина, ножи швырковые, кошель с копейками. Ох, ты ж!

Вываленные на мозолистую, широкую, как лопата, и такую же твёрдую ладонь Ослопа, монеты из кошеля убитого сама блеснули не только мутной медью, но и серебром.

- Никак куны? – воскликнул Никша, но тут же схлопотал подзатыльник от брата и умолк. Полусотник же нахмурился, выудил серебряную монету из кучки меди в руке стрельца и, тщательно её осмотрев, аккуратно положил обратно, туда, где среди мелких медных копеек блестели новеньким серебром ещё пять таких же монет.

- Они самые, Жук, – констатировал Стоян, вот только по виду полусотника было понятно, что находка эта его совсем не обрадовала. – Они самые. Ну, ка... Медок, помоги Ослопу! Разберите все вещи находников по кучам. И не дай светлые хоть одна монета за подклад закатится.

- Да что ты, господин полусотник! – загудели старшие стрельцы. – Неужто мы без понятия? Всё будет в целости и сохранности!

- Смотрите мне, – погрозил им кулаком тот. – И не тяните уже. Приступайте!

Как бы ни хотел Хлябя казаться невозмутимым и спокойным, у него это выходило не очень хорошо. Может быть, сказался послебоевой отходняк, а может Стоян Смеянович про-

сто не слишком-то умел скрывать свои эмоции, но чем дольше шёл разбор вещей находников, тем больше он хмурился и нервничал. А к концу процедуры и вовсе уже тихо матерился себе под нос. При полном непонимании со стороны младших стрельцов. А вот старшие, кажется, поняли причины злости полусотника, но озвучивать их явно не собирались.

- В чём дело, Стоян Смеянович? – решил я прервать этот «заговор молчания», когда Хлябя загнул совсем уж затейливую фразочку. – Что тебя так взволновало?

- Жук, подкинь дров в костёр да запали ещё один рядышком, – неожиданно потребовал полусотник, не отвечая на мой вопрос. А стоило пламени разгореться, как Стоян ткнул пальцев в лежащие ворохом рубахи самов. – Медок, начинай разбираться с вышивками.

- Может... – стрелец наткнулся на требовательный взгляд начальника и, заткнувшись, уселся рядом с костром. Подхватил верхнюю из рубах и, водя пальцами по вышивке на вороте, принялся что-то бормотать себе под нос. Тем временем сам Хлябя всё же решил объяснить мне... да и младшим стрельцам причины своего волнения.

- Это не охотники, случайно вышедшие на наш след и решившие поживиться со словени, – коротко произнёс он. – Это воины в походе.

- М-м, не подумай, что не доверяю твоему опыту и знаниям, Стоян Смеянович, – заметил я. – Но... с чего такие выводы? Объяснишь?

- Ничего сложного, купец, – махнул рукой явно обескураженный полусотник. – Суди сам. Самов было полдюжины. Хорошая ватага для охоты, да? Но в калитах у них ни единого куска дичи, зато походной еды с верхом. Самое то, чтобы идти пару седмиц, не отвлекаясь на охоту и собирание. Учитывая же, как от них потом шибало, в пути эти самы были как бы не меньше седмицы. Стрелы в колчанах – боевые, ни одной охотничьей. Рогатин нет, ни одной. Зато тёсы на поясах у всех шестерых. А они – оружие боевое, для охоты не предназначенное. Ну и... деньги. Медные словенские копейки в кошелях самов, дело нередкое. Всё же торгуем мы с ними не меньше, чем ратимся. А вот серебро, да такое новенькое... это диво! Глянь-ка, купец, на полдюжины самов – почитай сорок кун серебра! Да за пять монет здесь можно жену сторговать, а ежели совсем к будущей родне не придираться, так и двух. Знатные женихи по здешним лесам, оказывается, косяками ходят, а?

- Хм, – я почесал уколовший щетиной подбородок. – Полагаешь, кто-то их для боя нанял?

- А вот сейчас и узнаем, – отозвался полусотник, оборачиваясь к корпящему над вышивками стрельцу. – Ну что там, Медок?

- Трёх разных родов воины, – оторвавшись от изучения рубах, ответил тот. – Из полночных или заловгайских самов. Все молодые, неженатые. Третьи-четвёртые дети в семьях. Младшие в охотничьих ватагах...

- Вот так, купец, – оседая на брёвнышко у костра, вздохнул Хлябя. – Подбил какой-то умник сих воев на дальних стойбищах самских. Монет на заклад подкинул, да и отправил... куда? А то не секрет. Ныне кроме бийских острогов нет мест, где за такие деньги воевать надобно.

- Шестерых?! – подал голос Жук и... вновь схлопотал подзатыльник от Врана.

- Здесь шестерых, там дюжину, – не обратив никакого внимания на неуважительный тон младшего из стрельцов, протянул полусотник и, вздохнув, договорил: – тут с нойнами столковался, здесь у кайсаков молодёжь на наход уговорил... Глядишь, да две-три сотни пешцев с полусотней кайсацких степарей к стенам острожным и подойдёт. А сколько воев в том же Хвалын-городке? Ну-ка, Никша, напомни.

- Полсотни будет, – буркнул потирающий затылок Жук.

- Было, – поправил его Стоян. – Не забыл, чем прошлый год для бийских острогов закончился? Сколько стрельцов из уведённых в поход подкаменским воеводой обратно в городки вернулось? Половина? Две трети? То-то и оно.

Стрельцы умолкли, переглядываясь друг с другом, а полусотник задумчиво уставился на пламя костра. Впрочем, уже через полминуты он вынырнул из своих размышлений и, хлопнув ладонями по коленям, решительно поднялся на ноги.

- Вот что, стрельцы, – произнёс он. – Делим добычу да расходимся ночевать. А утром отправимся в обратный путь.

Чует моё сердце, мимо нашего острога самские вои не пройдут. Тебе же, купец, советую отправиться вместе с нами. Не ровен час, наткнутся на вашу парочку самские дозоры, горя не оберёшься.

- Я... – начал было я, но полусотник меня перебил, очевидно, поняв, что его идея не вызвала у меня энтузиазма.

- Ты воин справный, да и невеста твоя из самострела бить горазда, то мы сами видели, – торопливо проговорил Стоян. – Но вдвоём против нескольких сотен и сам Вольга не сдюжил бы. От души предлагаю, Ерофей. Поехали, а в острожке выпишу вам подорожную, да и отправитесь с невестой дальше путешествовать. На Словень посмотрите, к торгам да мастерам присмотритесь. А здесь... сгинете же, ни за что ни про что!

- Благодарю за предложение, Стоян Смеянович, – вздохнул я. – С твоего позволения, отвечу утром. Надо с невестой посоветоваться.

- Ну-у... смотри, купец, – развёл руками полусотник, явно удивлённый моими словами. Очевидно, не принято здесь с женщинами советоваться. Или «не принято». Традиции, обычаи, «поконы» и прочая. М-да. Вот и посмотрю.

Не сказать, что я так уж был против поездки со стрельцами в словенский острог. Но чёртов сундук Граца вязал нас со Светой по рукам и ногам. Объяснять же наличие эдакой тяжести среди наших вещей и выдумывать небылицы о путешествии с ней на закорках мне совсем не улыбалось. За-

копать этот сундук, что ли? И пусть лежит себе... А что? Это идея.

Но прежде чем заниматься земельными работами, надо проверить, как обстоят дела у нас в лагере. Нет, отправляясь в гости к стрельцам, я перекрыл подходы к биваку парой не самых простых переплутовых наговоров, вплотную подходящих к запретной в мире Хольмграда теме ментальных воздействий. Так что, даже если нашёлся какой охотник, желающий добраться до нашей полянки, бродить ему вокруг неё до скончания времён, не обращая внимания ни на что, происходящее вокруг... или до тех пор, пока я защитный полог не сниму. Да и котяра наверняка бдит, так что, даже если здесь найдётся ухарь, способный обойти мои наговоры, двухвостый его на клочки порвёт. Он может, знаю...

* * *

Света сладко потянулась и, открыв глаза, успокоено вздохнула. Над головой её виднелась уже до последней веточки знакомая крыша их с Ерошкой шалаша, снаружи доносилось пение птиц и шелест листвы, а ноздри щекотал запах приготовленного её молодым человеком завтрака. А ночной бой... сон, он и есть... Сон?

Девушка скинула с себя странное лоскутное одеяло, укрывавшее её, и, глянув на свой походный наряд, нахмурилась. Как бы Света не... опасалась перехода их с Ерошкой отношений в более... более близкую форму, спать она предпочита-

ла без одежды. И Хабаров, кстати, не раз фыркал, наблюдая, как она кутается в спальник при его появлении, чтобы… Ох. Так почему сегодня она спала в одежде, и даже не в своём спальнике, а поверх него?

Воспоминания о вчерашней ночи, ещё мутные, словно память о недавнем сне, вдруг начали становиться всё отчётливее и яснее. Свист стрел, ночная стрельба, запах гари и предсмертные крики... Света вздрогнула.

- Проснулась, солнечная? – сунувшаяся в шалаш физиономия Ерофея мгновенно утратила улыбку. Миг, и парень уже сидит рядом с ней и, положив голову подруги на свои колени, мягко поглаживает её по пушистым и встрёпанным со сна волосам. Тут-то и выяснилось, что всё происшедшее сном вовсе не было, и в самом деле она вместе с Ерофеем и словенскими стрельцами выдержала бой с разбойниками-самами, решившими поживиться за счёт мирных путешественников.

Спокойствие пришло к девушке быстро. Куда быстрее, чем даже она сама того ожидала. Утерев поданным Ерофеем платком слёзы, она вытолкала молодого человека прочь из шалаша и занялась приведением в порядок собственной зарёванной мордашки. А уже через полчаса, после умывания и сытного завтрака, никто не сказал бы, что недавно Светлана Багалей едва не устроила натуральную истерику.

Предложение полусотника о поездке вместе с ним и его стрельцами в острог на Бие, как и причины, обосновавшие

это предложение, Света выслушала совершенно спокойно. И так же спокойно согласилась убраться со ставшей почти родной полянки в центре самских лесов, где, оказывается, не так уж благостно и безопасно, как им с Ерошей казалось ещё недавно.

Правда, рыть яму для того, чтобы спрятать в ней профессорский прибор, который должен был, по идее, послужить Всеславу Мекленовичу и его людям маяком для наведения портала в этот мир, Света напрочь отказалась. И даже попыталась поколотить смеющегося Ерофея, когда поняла, что тот над ней шутил. Тоже в шутку, конечно.

А сам Хабаров лопату в руки брать и не подумал. Вместо этого он кликнул своего двухвостого питомца? Друга? В общем, позвал кота, и тот, свернувшись клубком на крышке профессорского «сундука», вдруг исчез вместе с ним, чтобы уже через секунду возникнуть рядом с Ерофеем. Без прибора, само собой.

- Он что, Грацу его уволок? – изумилась Света. Котяра же только фыркнул в ответ и гордо отвернулся.

- А почему нет? – пожал плечами Ероша. – Какая ему разница, что и куда таскать?

- Мр-ряу!

- О, да, прости, – улыбнулся Хабаров возмущению кота. – Разумеется, вырезку таскать куда приятнее.

- Обжора, – ласково взъерошив шерсть на спине двухвостого, улыбнулась Света, но тут же встрепенулась. – А изме-

рительные приборы?

- Их возьмём с собой, – Ерофей кивнул на уже собранные рюкзаки, сваленные им рядом с потушенным кострищем. – Даже если вдруг кто-то ими заинтересуется, двухвостый решит проблему.

-Мр-р... – в голосе потусторонника послышались угрожающе-вибрирующие нотки.

- Так или иначе, да, – с усмешкой подтвердил мурлыканье котяры Хабаров и, приобняв Свету, звонко чмокнул её в кончик носа, после чего, нацепив свой рюкзак и подхватив чехол с арбалетом, кивнул в сторону натоптанной ими почти незаметной тропинки, вьющейся вдоль ручья. – Ну что, вперёд, навстречу приключениям?

- А можно без них? – вздохнула Света и, приторочив полуоткрытый чехол с арбалетом под руку, двинулась следом за своим молодым человеком. Что-то ей говорило, что просьба эта так и останется пустой надеждой. Хабаров жить без приключений просто не умеет. Доказано!

Глава 6. Туризм по-стрелецки

Обеспокоенное послание от Граца, которому я всё же передал с двухвостым записку о причинах, побудивших нас временно вернуть будущий маяк в Хольмград, догнало нас лишь через два дня, когда небольшой струг полусотника, подгоняемый не только течением реки, но и парусом, успел проделать не меньше сотни вёрст вниз по Биянке. Принёс его, разумеется, наш бессменный почтальон, отправленный к Всеславу Мекленовичу с очередной порцией данных, снятых мною с измерительных приборов во время второй, непозволительно короткой и, надо признать, довольно нервной ночёвки. Собственно, короткой она была по распоряжению Стояна Смеяновича, скомандовавшего высадку на берег лишь когда на реку опустилась ночь, и приказавшего поднять парус, едва небо на востоке только-только посветлело, предупреждая о скором рассвете. Торопился полусотник. Торопился, нервничал и осторожничал, заставляя своих стрельцов внимательно следить за местностью вокруг. Благо заметно ускорившееся течение само несло струг в нужную сторону, и воинам Стояна Смеяновича не приходилось тратить силы на греблю. И дело здесь было не в доброте к подчинённым, а всё в той же осторожности, победившей стремление как можно быстрее добраться до дома. Полусотник явно считал, что в случае внезапного нападения стрель-

цы должны встретить врага полными сил, а не вымотанными работой на вёслах. И опаска его была понятна. Широко раскинувшееся в месте нашей встречи, всего в десятке вёрст ниже по течению, русло Биянки, как оказалось, сильно сужалось. Настолько, что при желании, идущий по самой стремнине струг можно было с лёгкостью забросать стрелами с любого из её берегов, превратившихся в этакие каменные стены, возвышающиеся над водой на добрых пятнадцать-двадцать метров. А кое-где и поболее. Милое дело для засады.

Впрочем, сторожились обступающих реку скалистых круч не только стрельцы, но и мы со Светой. И на то были свои причины. В первую же ночёвку после начала плавания установленная мною сигнализация засекла сразу несколько попыток пересечь её периметр. И если бы не использованный мною наговор Переплутова волхва, недавно весьма достойно защитивший от возможного разорения наш со Светой лагерь на поляне у ручья, боюсь, в ту ночь нам опять пришлось бы воевать с недружелюбными самами. А так, незваные гости покружили в сотне метров от стоянки, организованной полусотником на крошечном каменистом пляже, под каменной стенкой возвышающегося над мачтой струга берега, поплутали впотьмах, да и... прошли мимо, так и не поняв, с чего им примерещился запах дыма.

Ну а для меня это был урок. Полезный, но обескураживающий. Как выяснилось, путающий наговор Остромирова оказался совершенно неспособен маскировать запахи. И

ведь если бы не выразительные мыслеобразы, с помощью которых двухвостый, отправленный мною для присмотра за кружащими на берегу «гостями», сообщил об этом факте, я бы мог так и не узнать о столь серьёзном недостатке полюбившегося мне приёма. Или узнать слишком поздно... что ещё хуже.

Письмо от Граца мы со Светой читали вместе. Ругаться профессор не ругался, но недовольством его послание было просто-таки пропитано. От каждой строчки и буквы им сквозило. Тем не менее, понимание Всеслав Мекленович проявил, и требовать от нас возвращения на место не стал. А к концу письма, очевидно, обдумав полученную информацию, и вовсе отошёл, так что в последних строках был предельно вежлив, а в постскриптуме и вовсе предложил нам продолжить вынужденное путешествие на запад, с остановками для сбора данных и... непременным включением его прибора на каждой стоянке. Дескать, раз потусторонник смог закинуть устройство в их мир, то и обратно притащить сможет.

Понять, что значит это предложение, было несложно. Смогли, значит, умки профессорские настроить собственное оборудование на приём сигнала от этого железного чемодана. И теперь им требовалась настройка самого прибора для более точного позиционирования. Что ж, двухвостому несложно будет пробежаться туда-обратно с грузом. Жаль только, что нас со Светой он так перенести не может. Про-

бовали неоднократно. Вотще. Будто чёрная пелена накрывает, обволакивает так, что и дышать нечем... и не пускает. Котяра старался, аж рычал от напряжения, но, увы и ах. Так что, единственная наша надежда на профессора и его учеников-помощников.

В общем, несмотря на общий тон послания Граца, сами новости им «не сообщённые» порадовали и меня, и подругу. Так что и на продолжение путешествия по незнакомому миру мы стали смотреть намного оптимистичнее. Чему, кстати, поспособствовало и спокойствие дальнейшего пути в Усть-Бийск, как назвал возведённый им острог Стоян Смеянович. После несостоявшегося визита очередных незваных гостей-самов, круживших полночи вокруг нашей стоянки, больше нас в пути никто не тревожил до самого окончания путешествия.

Струг, направляемый уверенной рукой полусотника, выскользнул из теснин Биянки и, ловко проскользив меж бурлящими белой пеной порогами, плавно вышел на стремнину широкого Бия. Пространство вокруг словно вмиг раздвинулось в стороны, полоснуло по глазам ярким почти летним солнцем и... погрузилось в тишину. Честно говоря, слушая рассказы стрельцов и их полусотника о «Великом Бие», я представлял себе нечто менее грандиозное. Доводилось мне бывать на Ангаре и Витиме, видал Обь и Волгу, но... если и сравнивать Бий с какой рекой, то, наверное, лишь две последних и могут составить ему конкуренцию. Да и то Волга

может поспорить с ним лишь в нижнем течении, где не всегда и ясно, берег перед тобой или очередные плавни. Бий же, каким мне довелось увидеть его впервые, был необозримо широк и чист даже от речных островов. Расстояние от берега до берега здесь было больше шестнадцати километров. Насколько – сказать сложно, но находясь примерно посередине реки, берега её рассмотреть было невозможно, их наличие вообще выдавали лишь обступившие Бий покатые гольцы, основание которых терялось в лёгкой дымке. Туман? Чёрта с два! Горизонт!

Впрочем, вскоре полусотник решительно направил струг к западному берегу, и через несколько часов за очередным плавным поворотом русла мы увидели острог. Не бревенчатый, как я того ожидал, честно говоря, а вполне себе каменный. Эдакий замок с лёгкими мотивами славянской архитектуры, стены которого, укрытые крышами боевых галерей, были сложены из огромных валунов, а круглые приземистые башни под шатровыми крышами сердито взирали на округу узкими бойницами. Острог оседлал высокий утёс, вода под которым, исчерченная каменными косами, перекатами и порогами, бурлила, пенилась и шумела, благодаря впадающей в Бий небольшой, но шустрой речке… Приток и в самом деле был невелик, едва ли вполовину шире зажатой меж скал Биянки, а у той, даже перед впадением в большую воду, где скалы словно нехотя раздаются в стороны, от берега до берега не больше сотни метров.

Здесь уж стрельцам пришлось-таки взяться за вёсла, да и Стоян посерьёзнел, крепче ухватился за кормило. Послушный его воле, струг осторожно скользнул вдоль каменной россыпи, едва виднеющейся над водой, и, чуть не касаясь брюхом дна, отталкиваясь от обманчиво гладких булыганов вёслами стрельцов, буквально прокрался в русло малой речки. Казалось бы, здесь можно и расслабиться да порадоваться окончанию пути, но нет. Прозвучала короткая команда, вёсла вновь ударили о воду, и струг медленно пошёл против течения. Шли недалеко, как оказалось, но довольно долго. Шустрая река вовсю сопротивлялась движению нашего судёнышка, стараясь утащить его обратно в Бий, но стрельцы справились, и вот уже струг, каким-то чуть ли не балетным пируэтом заложив пологую дугу, аккуратно подвалил к добротному пирсу, где нас уже встречали обитатели острога, высыпавшие на стены крепостицы ещё в тот момент, когда наше судёнышко только принялось крутиться у подножия утёса.

Понятное дело, что встречать здешние жители вышли стрельцов и их командира. Но и нам со Светой перепала некоторая доля их внимания. Прежде всего Свете, конечно, поскольку мужчин среди встречающих было... абсолютное большинство. Ну да, острог – это, всё же, место службы, а не город или деревня, так что преобладание мужского пола среди его обитателей вполне естественно. Кому и нести порубежную стражу, как не привычным к военному делу муж-

чинам.

Впрочем, женщины в остроге тоже были. Не так много, как мужчин, но были же! Правда, у них, очевидно, нашлись дела поважнее, чем наблюдение за неурочным возвращением полусотника и компании...

- Ага, а мужчинам, значит, делать нечего, кроме как глаза на нас пялить, да? Вояки! – с едва заметным раздражением заметила Света, увидев в остроге идущую по деревянному тротуару женщину, нагруженную коромыслом с двумя даже на вид неподъёмными вёдрами. А ведь они ещё и полнёхоньки!

- Думаю, сейчас Стоян Смеянович позаботится о том, чтобы исправить эту ситуацию, – пожал я плечами. Идущий рядом полусотник, молчавший всю дорогу от пирса до острога и не обращавший никакого внимания на расспросы подчинённых, дружной толпой сопровождавших нашу компанию, криво ухмыльнулся и, резко остановившись у резных ворот, вдарил кулаком по массивным доскам врезанной в них калитки.

- Кого там тёмные несут?! – раздавшийся из-за забора голос был груб и визглив.

- Отворяй, Ряжен! Хозяин вернулся, – наконец соизволил прервать молчание полусотник.

- Ох, ты ж! Стоян Смеянович! – невидимый нам охранник явно узнал голос Хляби и тут же принялся греметь засовами, отворяя... ворота целиком. Надо ли говорить, что вся толпа

встречающих, хоть и несколько поредевшая по пути от надвратной башни острога к дому полусотника, ввалилась во двор следом за нами... при полном попустительстве хозяина дома.

Стоян не успел преодолеть и половины расстояния по двору до высокого трёхэтажного рубленого дома, больше похожего на сказочный резной терем, чем на обитель хозяина замка, как с высокого крыльца по довольно крутой лестнице навстречу ему буквально слетела высокая русоволосая дев… а не! Судя по тому, как богато расшитое платье натянулось в районе её животика... женщина. Остановившись в двух шагах от Стояна Смеяновича, она повелительно протянула руку в сторону, и подскочивший откуда-то сбоку мальчишка вложил в неё тяжёлый серебряный корец. Явно не пустой.

- С возвращением, муж мой, – пропела женщина, качнув украшенным жемчугом и бисерной вышивкой высоким убрусом, из-под которого выбился непослушный локон, и протянула полусотнику тяжёлый ковш. Тот в ответ улыбнулся, принял из руки жены корец и, выхлебав едва ли не половину его содержимого, передал серебряную посудину... точнее, практически впихнул мне её в руки. Сам же закусил выпитое поцелуем жены.

Напиток оказался… ну, не водкой, что уже хорошо. Хотя некоторая доля алкоголя в нём всё же была, но её вполне удачно скрадывал кисло-сладкий ягодный вкус. Впрочем, крепость напитка была невелика, так что, пригубив из корца,

я без сомнений передал его Свете. И вновь по загривку словно мягкой лапой провели, и информационное поле коротко взбурлило сразу после моего поклона, адресованного супруге полусотника, которой тот меня как раз и представлял.

- Неонила, жена моя, хозяйка дома моего, – приобняв женщину за плечи, проговорил он, а едва Света уронила последние капли из опустошённого ею корца наземь, выжидательно уставился на меня. Дошло.

- Светлана Багалей, моя невеста и спутница в путешествии, – произнёс я.

- Светлые люди, наши гости, Нилушка, – проворковал, обращаясь к жене, Стоян. – Ты уж прими их по чести, напои да накорми с дороги. А там и баньку вели готовить. Я же покамест... – полусотник нахмурился и, окинув взглядом молчаливо взирающую на наше представление толпу, вздохнул: – сообщу новости, что мы принесли сегодня.

- Сделаю, – коротко кивнула Неонила и, поманив нас за собой, двинулась к лестнице. А следом за нами двинулся и хозяин дома. Правда, сразу в терем он не пошёл. Остановился на середине подъёма так, чтобы нависающий над лестницей скат крытой серебристой осиной крыши не мешал ему видеть заполняющих двор стрельцов и вольных жителей острога, да и они чтоб его видели без помех, и заговорил...

О чём, я не слышал. Захлопнувшаяся за моей спиной дверь отрезала звуки со двора, да и выскочившие непонятно откуда слуги тут же закружили нас со Светой. А за их гвал-

том и суетой расслышать происходящее за тяжёлыми дубовыми плахами толстенной входной двери было просто невозможно.

Впрочем, хозяйка дома легко разбиралась в царящем вокруг сумбуре и с чёткостью генерала командовала мельтешащими помощниками и помощницами, пока те, наконец, не рассосались по комнатам и клетям, исполняя её приказы, а мы не вошли трапезную… Ну, у меня язык не повернётся назвать обычной столовой этот отделанный деревянными резными панелями зал с расписными сводчатыми потолками и окнами, забранными в тяжёлые переплёты с мелкой расстекловкой. Трапезная, и никак иначе. И длинный массивный стол, протянувшийся на добрый десяток метров через весь этот немаленький зал, был здесь как нельзя более в тему. Стол, кстати говоря, не пустовал… а ведь мы и двадцати шагов от входа в дом не прошли! Шустрые слуги у полусотника… да и хозяйка хороша, да.

- Вот не надо так на неё смотреть, – прошипела мне на ухо Света, когда супруга Стояна усадила нас за дальний от входа край стола, укрытый расшитой алыми узорами белой льняной скатертью, уже заставленной многочисленными серебряными мисками, плошками и кубками. Богато живёт полусотник Усть-Бийского пограничного острога, что тут скажешь?

- Уговорила, – с улыбкой кивнул я. Света подозрительно покосилась на меня, но фыркать перестала. А хозяйка до-

ма, тем временем, хлопнула в ладоши, и вокруг нас вновь закрутились слуги, принявшиеся выставлять на стол многочисленные закуски, среди которых преобладали рыбные и мясные блюда, что при наличии под боком такой реки, как Бий, и полных дичи лесов было неудивительно. А вот овощей было мало... и в основном были они в квашеном виде. Ну, да и это не великая тайна. Начало лета, свежих овощей ещё месяц ждать, не меньше. И то, если погоды позволят.

Честно говоря, я было подумал, что на горячее нас будут потчевать кашей. И каково же было моё удивление, когда снявший с глубокого блюда крышку, мальчишка-слуга начал выкладывать на наши тарелки самое обычное картофельное пюре. Как-то не бились у меня здешние реалии с их стрельцами, пограничными острогами и пищалями с наличием картофеля на столе.

- Заокеанский картофель-то? – осведомилась у Неонилы моя подруга, тоже удивлённая его наличием на столе.

- Картофель? А, – поняла хозяйка. – Пататка! Не, заокеанский клубень дорог, да и сладкий он, для заедок ещё годится, детям в радость, а вот поснедать с толком уже нехорош. Пататку же айны к нам завезли. Давно уже. Ещё в те времена, когда порубежники на Старом Камне стояли. Вот с тех пор его и разводим. Зерном-то здешние места небогаты, не родит здешняя земля доброй пшеницы и ржи. Да и привыкли мы к пататке за век-то!

Света с Неонилой как-то зацепились языками, заболта-

ли о всяком-разном, ну а я приналёг на угощения. Тем более, что порадовать желудок здесь было чем. А потом к нам присоединился и закончивший свой импровизированный митинг полусотник. Да не один, а в компании из четырёх стрельцов, видом своим и ухватками явно не походивших на рядовых бойцов. Учитывая их количество, возраст и степенную важность, с которой приглашённые к столу воины приветствовали нашу компанию, усаживаясь на стулья с высокими резными спинками, я предположил, что это острожные десятники, непосредственные подчинённые Стояна Смеяновича, и не ошибся. А присмотревшись к ним, довольно легко определил, кто из десятников, так сказать, новичок. Говорил же полусотник, что прошлый год для острогов на Бие вышел неудачным, вот я и обратил внимание, что двое из четырёх приглашённых им за стол десятников выглядят куда моложе двух других стрельцов и чувствуют себя в доме хозяина острога куда более стеснённо. Так оно и оказалось.

После неудачного похода подкаменского воеводы, потерявший в том походе больше трети стрельцов, полусотник Усть-Бийского острога выкликнул на должности погибших в бою десятников самых опытных из уцелевших в их командах бойцов. Стрельцы покричали, поругались, да и приняли новичков в начальство. Вот теперь те и привыкают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.